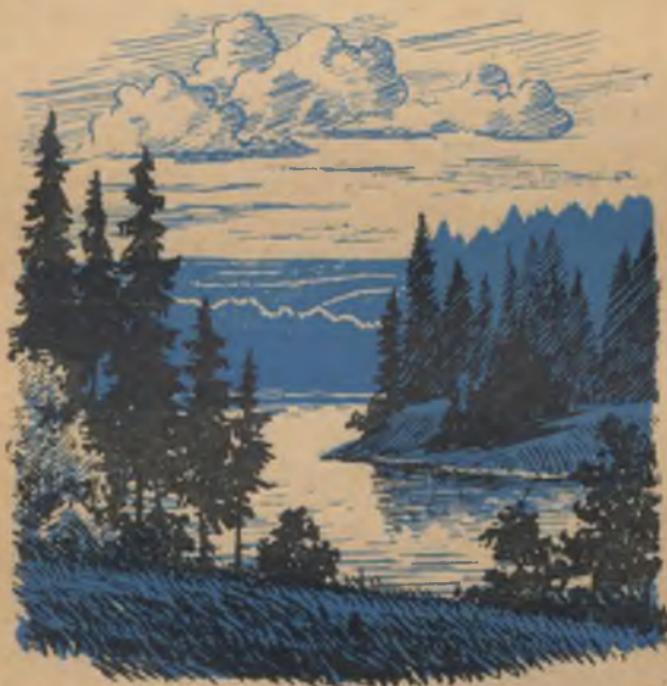

Г-20

II-217940

В. ГАРНОВСКИЙ

В КРАЮ ЛЕСОВ И ОЗЁР

ВОЛОГДА

1952

В. ГАРНОВСКИЙ

В КРАЮ ЛЕСОВ И ОЗЁР

РАССКАЗЫ

ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1952

СОДЕРЖАНИЕ

Золотые луга	3
Гусевод	9
На Худом озере	15
Маленькие сотки	20
Льняная академия	25
Сваты	30
Мечтатели	36
Иван Кириллыч	41
Чёрный лещ	46
Северное сияние	50
Друзья	56
Общее дело	61
В пикете	66
У огонька	73
Лесной хозяин	78
На пользу народу	82
Клад	86
На дальний зов.	90

Художественное оформление
С. В. Кулакова

Редактор *В. М. Малков*. Техредактор *А. А. Веселовская*.
Корректор *С. И. Соколов*.

ГЕ01870. Сдано в набор 12.10.51 г. Подписано к печати 12.2.52 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 1,5 б. л. 4,92 п. л.
Тираж 15000. Заказ 3524.

Областная типография „Красный Север“, Вологда.

ЗОЛОТЫЕ ЛУГА

— Ну, брат, жарко! А дождики нет-нет да и перепадут, самые ростовые. Гляди, травы-то какие! Нынче и у нашего колхоза в сенокосе приволье. Чего удивляешься? Верно! Сенокосу у нас на три преогромных стада хватит, не то, что в прошлые годы. Да, я ведь забыл: ты в наших местах лет семь не бывал. Придётся тебе всё по порядку рассказать...

Максим Евсеич, старый мой приятель — колхозный пчеловод, не любит, когда его о летах спрашивают. Седой, но не каждый за ним угнаться может. Но сегодня и Евсеич от жары размяк.

— Ужо, брат, прохладный уголок найдём, посидим, покурим, — говорит он.

А местечка по его вкусу всё нет и нет: то под ёлкой у дороги сыровато, то под кудрявой берёзой обязательно муравьи должны быть, то под черёмухой любимое комариное пристанище...

— Давай-ка ещё с полкилометра протопаем, — предлагает Евсеич, снимая со стриженной головы рыжую кепку и ею же утирая пот с лица, загорелого до кирпичного румянца. — А то вот что: свернём-ка по этой тропиночке влево, шагов через сотню там доброе местечко есть. Самое подходящее для отдыха.

Сто шагов оказались целым километром. Но старик знал, куда меня вёл: лучшего места для отдыха нельзя было и пожелать. Сосновый бор круто сбегал по песчаным уступам к весёлой речке, скачущей с камня на камень в непролазной чаще ольхи, черёмухи, шиповника и смородины. А за речкой расстился ровный, без единой кочки, без кустика привольный луг, с травой по пояс. Там, далеко за лугом, сверкало озеро, и за ним опять чернела мохнатая гряда лесов.

— Узнаёшь место? — вдруг спросил меня Максим Евсеич.

— Как будто бы Гридинское болото, — неуверенно говорю я.

— Не болото теперь, дружок, а луг! — горделиво восклицает старик. — А ну, помоги мне со спины ношу снять, кажись в ней больше пуда...

Помогаю Максиму Евсеичу снять какие-то тяжёлые пластины, бережно упакованные в тонкие доски и старые половики-дорожки.

Вместе мы спускаемся к речке, с жадностью пьём чистую холодную воду, умываемся и лишь потом устраиваемся на отдых.

— Племянника моего, Константина Ивановича, ты знаешь. Ещё при тебе, когда ты в нашем селе жил, он девять классов закончил, а в сорок первом на фронт ушёл. Ну,

где и как воевал — рассказывать долго, а вернулся домой — три ордена, три медали на груди. Одна беда — потерял Костя левую ногу по колено...

Рассказывает Максим Евсеич неторопливо, посасывая трубочку.

— Так слушай! Вернулся он домой в ту зиму, когда наши войска немецким фашистам под Сталинградом шею накостиляли. Отдохнул Костя дома неделю-другую и по работе заскучал:

«Ноги у меня нет — это ещё не велика потеря, — говорит. — Пойду учиться на агронома. Выучусь — в свой колхоз вернусь».

То да сё, и лето подошло. Костя знай себе за книгами сидит, к экзаменам готовится. А тут правление колхоза к нему с просьбой:

«Будь друг, поработай счетоводом, хоть временно. Наш счетовод, Марина Петровна, замуж вышла, в соседний колхоз. А ты парень грамотный, арифметику хорошо знаешь, с делом справишься».

Костя не отказался. Дело повёл аккуратно, все им довольны. И вот заспорил он раз с Андреем Квашниным. Ты его тоже знаешь. Вздорный старичонка, хвостун и сорвать с колхоза лишнее любит, но косы налаживать и отбивать — мастер. Как сенокос — все к нему с поклоном: «Налаживай наш инструмент, Андрей Игнатьич...». Он и начнёт ломаться: то у него спина болит, то глаза плохо видят. А всё сведётся к тому, что подай ему и мёду, и молока, и трудодни лишние ему насчитай. Приходилось соглашаться.

«Кого ты, дядя Андрей, — это Константин Иванович ему говорит, — кого ты обдираешь? Свой колхоз! Постыдился бы!».

«Ах, так! — Андрей и шапку оземь. — Сам тогда косы налаживай!».

«Налажу и отобью, а к тебе с поклоном не пойду. Каждый человек любое мастерство изучить может. Носите ко мне косы!».

Диву все дались, как хорошо Костя в порядок косы привёл. Ну, прямо, словно по воде, а не по траве коса идёт.

Андрей фыркает:

«Ладно, ладно! Ужо посмотрю, как твоего боя косы на Гридинском болоте пойдут. Там раз по траве, а два раза по кочкам тятать приходится».

Костя на это болото сам с косарями до солнышка выехал. Ты, ведь, знаешь, что это за болото было. Только лешим ноги ломать! Кочки высоченные, промеж них грязь да вода. И трава на кочках этих какими-то пучками росла, вот и тюкай косой по пучкам да потом каждую охапку сена на себе до сухого места выволакивай. Каторга — не работа.

Косы Костиной напрямки и здесь устояли. И отошла тогда честь дяде Андрею...

А Костя, побыв на болоте, на председателя колхоза насел:

«Почему у нас две косилки без дела стоят в такую пору? По десятку гектаров убрали — и всё? Или удобных площадей для них нет?».

«В том-то и беда, Константин Иванович, что нет. Косилки у нас больше на уборке хлебов употребляются, чем на сенокосе. А сенокосные угодья известные — Гридинское болото».

«Верно ни разу и не подумали о том, чтобы сенокосы улучшить? Так, что ли?».

«Ну, это ты напрасно. Много раз об этом думали, а дальше думок дело не шло. Рабочей силы маловато».

«Было маловато. А теперь колхоз укрупнился. Есть и рабочая сила, и время найдётся».

— Осень пришла. Мы с работой поуправились, урожай убрали, картофель выкопали... Первые морозцы стукнули, а до снегу ещё далеко.

Костя на колхозном собрании выступает:

«Самое теперь время за улучшение лугов браться. Выйдем-ка на Гридинское болото, кочки срезать, кусты срубать. Земля промерзает, на работе и ног не промочим, зато легко будет тямкой-шляхтой кочки срезать».

Тут же на собрании и работу распланировали. На другой день все, кто мог, на Гридинское болото отправились с топорами, со шляхтами. За ту осень раз десяток так-то всем колхозом на болото выходили, пока снег на землю не лёг.

Весна пришла — нам МТС помогать взялась. Кочкорезы пришли, канавокопатели. Да наши руки к этому. Девушку к нам прислали, вот только её должность мне не назвать, а одним словом — тому эта девушка учёная, как болота осушать...

— Мелиоратор?

— Вот, вот! Она планы составляет, болото измеряет — одним словом, за инженера ответ держит. К сенокосу у нас гектаров полсотни чистого луга оказалось. А трава на нём — видишь? Как пройдёт по ней ветерок, так она волной и сгибается, что вода на море.

— Так вот, друг, мы своё Гридинское болото в «Золотые луга» за две осени да две весны и переделали. Теперь очередь за Окуневским болотом. Корму теперь, сена, хватает нам и на колхозное стадо с излишком, и колхозникам на их коров. Знай только работай, не ленись...

— Как же вы до Костиного предложения сами-то не могли догадаться это болото осушить и в порядок привести?

— Как сказать? Думалось об этом. Ну, только Костя толчок дал. Он человек особенный, это, что называется... называется, — Максим Евсеич долго морщил лоб, тряс рукой и, наконец, нашёл нужное слово: — Организатор — вот кто наш Костя! Да и силёнки у нас прибыло, на большое размахнуться смогли. Так-то, брат!

— Ну, отдохнули, пора и в путь.

— Где же Костя теперь, Максим Евсеич?

— Учится. Где ж ему быть? А помоги-ка мне мою ношу на плечи закинуть. Словно бы легче она стала, с полпуда.

— А ты что несёшь, Максим Евсеич?

— Ножки запасные к косилкам. Из магазина. А пойдём мы теперь не большой дорогой, а через наши Золотые луга. На три километра ближе.

ГУСЕВОД

Я не был в этих местах лет десять, но хорошо запомнил, что сразу же за мостом через Муракишев ручей с большой дороги в еловую чащу убегает тропинка на Заячье озеро.

Вот и ручей, вот и тропинка. Я удивился — это была уже не тропинка, а довольно хорошая просёлочная дорога. Мало того — на столбике у этой дороги — деревянная табличка с грозной надписью:

«Охотникам на Озеро вход воспрещён».

Меня рассмешило это объявление, — ведь озеро-то не огорожено.

Впрочем, запрет меня не касался: я не имел при себе ружья...

Невдалеке глухо проворчал гром, и в лесу притихло, как всегда перед грозой. Вспомнив, что на берегу озера ранее стояли колхозные сеновалы, я свернул на бывшую тропинку и прибавил шаг, — надо было где-то укрыться от грозы.

Вот и озеро, вот и сеновалы. Устроившись в одном, я сладко задремал, как дремлет только в лесу под шум дождя и воркотню грома.

Проснулся я, когда небо стало очищаться от туч, а над лесами, сияющая красной, перекинулась лёгкая радуга.

К сеновалу, по лужам, подходил немолодой человек в брезентовом плаще, с берданкой за плечом.

— Ты, что же, друг, — шутливо крикнул я ему, — разве не знаешь, что охотникам на озеро ход воспрещён?

— Всем, кроме меня, — ответил человек, подходя ближе. — Объявление это я писал.

— Ну, а охотники слушаются?

— Которые знают, в чём дело, на озеро не заходят. Ну, а другим разъяснить приходится. Да это редко бывает. Все об этом озере знают в наших местах, а загожих тут почти и не бывает.

— Не один ли ты озером пользуешься?

— Зачем один? Я не частник, не помещик. А вы, случаем, не охотник? Что-то, как-будто, знакомый человек.

— Охотник-то я охотник, да без ружья. Ещё охоты срок не настал. А что?

— Так. Интересуюсь...

Голос собеседника мне показался очень знакомым. Всмотревшись лучше, я узнал этого человека:

— Степан Петрович?

— Он самый. А вы-то куда направляетесь?

Я рассказал Степану Петровичу о цели своего похода и о том, как я оказался на берегу озера, в сеновале.

— До Мышкина, друг, тебе ещё далеко идти. Перелеском километров восемнадцать будет, и жилья в той стороне нет. А уж вечер. Ночуй-ка лучше у меня. Утром по холодку мигом до места доберёшься.

— Здесь ночевать, в сеновале?

— Зачем? В будке у меня. Тепло, чисто. Я один тут живу.

— Почему же? Кажется, хуторов теперь нет...

— Такие дела, значит, — загадочно ответил он. —

Помоги-ка мне в лодку пару вязанок соломы снести. Вон в углу лежат, на сене.

Лодка оказалась в кустах. Когда мы устроились в ней и Степан Петрович взялся за весло, я заметил, что у него на левой руке только два пальца.

— На войне? — спросил я у него, показывая на руку

— Да... Возьми-ка шест, тут пропихнуться по мели надо.

Мы скользили вдоль берега озера, вплотную к густым зарослям двухметрового тростника. А когда наша лодочка вбежала в длинный и узкий залив, я ахнул от удивления: из тростника стали выплывать гуси — молодые, ещё с желтизной в пере, и старые — важные, солидные птицы. Хлопая крыльями, гогоча, они бросились вдогонку за нами.

— Домой, домой! — махнул на них веслом Степан Петрович и, показывая на небольшую избушку, сказал:

— Вот мы и приехали...

Степанова будка была обыкновенным деревенским домом, только без двора. Невдалеке стояло длинное и низкое здание, обнесённое досчатым забором, спускавшимся к самому озеру.

— Никак не пойму, Степан Петрович, чем ты тут занимаешься? — спросил я. — Может расскажешь?

— Рассказать можно. Вот только за тот мыс на минутку сплаваем и обратно. Тогда и расскажу.

За мысом, в тростнике, измятом бесчисленными гусиными тропами, стояло странное сооружение — соломенная крыша на четырёх столбах. Под крышей виднелись какие-то корытца, бочки.

— Гусям двор на зимнее время будет построен, — сказал Степан Петрович. — А летом их загонять каждый вечер на двор надобности нет. Вот у меня по берегу и построены такие гусиные шалаши. Тут я гусей и кормлю, и сами они ночуют. От ястреба днём, от филина ночью — такая крыша тоже охрана не плохая.

— А от лисиц как ты птиц спасаешь? — спросил я, уже догадавшись, что Степан имеет отношение к гусиному хозяйству.

— С воды лисице гуся не взять. А на берегу они сами себя берегут: дежурного гуся выставляют, тот всю ночь не спит...

Мы выгрузили солому, предназначавшуюся для постройки нового птичьего убежища, и повернули обратно, к будке.

Внутри домика, который Степан Петрович называл будкой, убранство было холостяцкое — стол, две скамьи да шкаф с посудой и книгами. Впрочем, в уголке я заметил полочку с детекторным радиоприёмником.

— Я всё лето тут один живу, — говорил Степан Петрович, разводя в печурке огонь и прилаживая к нему чайник. — В село, в колхоз раз в неделю хожу да и то не всегда. Скучать здесь некогда. Да и люди у меня почти каждый день бывают: то корм из колхоза гусям подвезут, то материал разный на постройку. Иные из любопытства заходят, интересуются. Гусеводство у нас ещё новое дело, мало кому известное.

— Значит, ты заведешь гусиной фермой?

— Вот, вот! Ну, садись чай пить, побеседуем.

Поглядывая в окно на озеро, на ближний заливчик, где занималась своим птичьим делом белая гусяная стая, Степан Петрович рассказывал:

— Инвалидность меня первое время очень огорчала. Куда, думаю, денусь, на что с одной рукой годен? Ведь на левой только два пальца. Домой вернулся, занимаюсь разным делом по мелочи, а настоящего, чтобы по душе, подыскать не могу. Так осень подошла. Долго морозы не устанавливались, то дожди, то снег. Но вот однажды такой снегопад начался — ну, как в феврале. Вышел я на крыльцо, слышу — в снежном вихре гуси кричат. Огромная стая. Летели на юг, к тёплому морю, да и попали в снеговёрть. Тут с час времени прошло, стих снегопад, далеко всё видно стало. Глянул я на озеро, — оно ещё не подо льдом было, чистое, — а на нём черным-черно от гусей. Отдохнуть сели...

— Вечером ко мне товарищи зашли, фронтовики. Обо всём поговорили. Ну и о гусяной стае, что сегодня в снегу

запуталась, тоже... Тут я эту ферму и придумал. «Что, — говорю, — товарищи, а если на Заячьем озере нашему колхозу гусиную ферму завести, гусей этак сотни на четыре, на пяток? Выгодно это было бы колхозу. Вон на Кубани, на Украине да и по другим местам колхозы во всю гусеводством занимаются. А у нас для гусей на озёрах приволье. Сначала надо мной и посмеялись немного, да я настойчив. С неделю подсчитывал, размышлял, да потом и отправился в колхозную контору. Тоже, надо правду сказать, не сразу своего добился, сомневались многие: дело, мол, новое, да оправдается ли, да кто им займётся. «Ладно, — говорят, — до весны обождём, тогда и попробуем. А сам фермой руководить будешь?». Как тут отступить? «Конечно, — говорю, — буду».

— Зимой книг по гусеводству достал, перечитал их от корки до корки. А весной в город съездил, купил сотню гусиных яиц. Здесь их на птицеферме под куриц-наседок положили, и стало у меня гусиное стадо. Потом, как гусята подросли, я их сюда переправил. Сначала в землянке жил. Этот домик мне уж потом колхоз перевёз. И первое лето у меня вполне оправдалось, только двух гусей и потерял, ястребу достались. К осени на племя двадцать гусынь и трёх гусаков оставил. Остальных колхозу передал. Продали их — выручка хорошая. Понравилось. Ну, вот и всё. Третье лето здесь дежурю. Теперь у меня больше четырёхсот птиц — молодых и старых.

... На том берегу озера в сыром воздухе сверкнула полоска огня, глухо бухнул выстрел. Уронив чашку с чаем, опрокинув табуретку, Степан Петрович выскочил из дома, и минуты через две его лодка стрелой помчалась по затихшему озеру.

«Какой это дурак по гусям пальнул?» — с тревогой подумал я и тоже вышел на берег.

Скоро послышался стук весла, человеческие голоса. Показалась лодка, но Степан Петрович был уже не один: всныхивал огонёк самократки, белело женское платье.

— Нечего сказать, хорошие шутки, — ворчал Степан

Петрович, выходя из лодки. — Не ждал я от тебя такого, дядя Миша. Я думал, это по гусям какой-нибудь вредитель ударил.

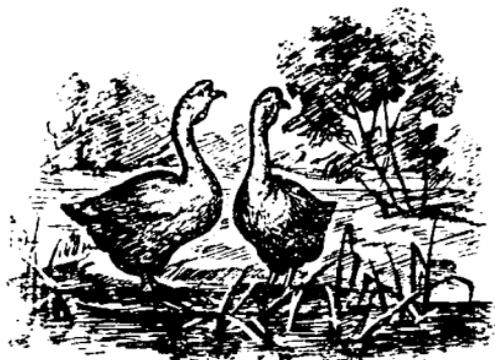
— Да ведь как от тебя лодку вызовешь? Кричать — далеко, вряд ли услышишь, а пальнуть в воздух — тут ты и явишься, — посмеиваясь, оправдывался приехавший со Степаном Петровичем старичок в синем ватнике и розовой рубахе. — Вылезай, Танюша, прибыли!

Пришлось опять подогреть чайник для гостей. Оказалось, что и соседний колхоз заинтересовался гусиной фермой на Заячьем озере. На землях того колхоза было два озера. Вот правление и послало дядю Мишу и одну из работниц своей птицефермы к Степану Петровичу поучиться, а заодно гусынь и яиц купить.

— А не страшно тебе, Таня, будет одной на лесном озере жить? — спросил я. — Дело твоё девичье, будешь в лесу всего бояться.

— Ну, вот ещё! — засмеялась она. — К лесу я привычна. Да и не одна буду, нас три девушки на ферму определены. А дядя Миша сторожем идёт. Согласен, дядя Миша?

— Как не согласиться на доброе дело, — сказал дядя Миша, утирая пот с лысины. — Ах, чай в аппетит сегодня после дороги! Как не согласиться, говорю. Довольно озёрам впусе лежать, пора их и на службу народу поставить...

НА ХУДОМ ОЗЕРЕ

Охотнику всегда грезятся леса и болота с непуганной дичью и зверем. Именно по этой причине Африкан и я, усталые, брели моховым болотом к таинственному Худому озеру, где, по заверениям Африкана, человечья нога сто лет не бывала.

— Что-то ты перехватил, Африкан Ильич, — усомнился я. — Если там сто лет никто не бывал, то от кого же ты узнал, что там уток много?

— А вот добредём до озера, тогда сам увидишь...

Идти было невесело и трудно: белёсый мох, чахлые, словно закопчённые снизу кривые сосенки, зной, духота, комариный писк...

— Вот и Дозорный остров, — заявил Африкан, показывая на гряду елей впереди нас. — Местечко высокое, сухое. Там и отдохнём.

Добравшись до острова, мы с наслаждением растянулись в тени огромных елей.

— Скажи, Африкан Ильич, почему озеро, к которому мы идём, Худым называется?

— Это со старинного времени пошло, — ответил старик, сладко позёвывая, видимо сморило его. — Со старинного времени, говорю... В ту пору по нашим местам паны-грабители с войском бродили, великое разорение народу было. Да! А тут наше войско стояло, панов подстерегало, дорогу им перехватить надо было. На этом островке дозор был, и прозвали островок Дозорным. Ну, вот, и подкараулили наши панов. Пошла битва! Наши одолели, всех панов побили. Дело зимой было, — надо могилы копать, а земля стылая. Вот своих-то убитых наши в земле честь по чести похоронили, а с убитыми панами возиться было некогда. Пробили наши на озере, во льду прорубь да туда всех врагов и спустили. С той поры озеро Худым называться стало.

Под вечер добрались мы до озера. Последний переход был особенно тяжёлым: приходилось перескакивать с кочки на кочку, обходить зловещие зыбуны, ржавые медлительные ручьи, топи. А дичи, действительно, было много, — то и дело взлетали утки, трава была изборождена утиными тропами.

Нам повезло. На берегу озера нашли мы сухой участок, поросший мелким ивняком. Солнце уже садилось, и мы, решив отложить охоту до утра, стали устраиваться на ночлег. Собирая сушняк для костра, я наткнулся на ветхий челнок. Плавать на нём было можно, хотя и с немалой осторожностью. Это устраивало нас.

Я вернулся к костру. Африкан разулся, закурил и вообще наслаждался заслуженным отдыхом. Усевшись у огонька, я с удовольствием протянул усталые ноги.

— Как же так, Африкан Ильич? — сказал я. — Ты говорил, что на этом озере сто лет никто не бывал, а я челнок нашёл и, вон, смотри, человек берегом идёт.

Пропустив мимо ушей первую часть моей речи, как недостойную внимания, Африкан повернулся к берегу.

— Г-м! И верно, кто-то ходит. Чем же это он зани-

мается? Вроде нашего брата-охотника. Вишь, ружьё у него и палки какие-то. Что ж он делает? А?..

Человек, действительно, вёл себя довольно странно. Воткнув одну палку в землю, он отошёл от неё, воткнул вторую палку, положил на неё ружьё, прицелился, но не выстрелил. Потом выдернул палки, перешёл дальше и повторил те же приёмы с палками и ружьём.

Любопытство Африкана было затронуто. Приложив ладони трубкой ко рту, он закричал:

— Эй, охотничек! Иди к нам чай пить!

★ ★ ★

— От чаю не откажусь. Признаться надо — ещё вчера днём сюда пришёл, а хлеба взял маловато, не рассчитал, что работы будет много. И хуже того — курить ничего нет. Не угостите ли табачком?

Перед нами сидел молодой человек в поношенной гимнастёрке.

— Охотишься? — спросил Африкан.

— Нет. По другому делу. Ружьё у меня за особый инструмент служит.

— За какой же?

— Уровень местности им узнаю. Поставлю рейку с метками, отойду от неё на сто шагов по компасу, потом вторую рейку ставлю, ружьё на неё пристрою с отвесиком на нитке и прицеливаюсь через ствол. Так постепенно разницу в высоте и узнаю. Записываю это. Карта-самоделка у меня есть. Разведчиком в армии был, научился...

— А зачем тебе это надобно?

— Требуется. Впрочем, это дело не тайное, можно рассказать.

— Ну-ка, расскажи. Да бери кружку чая и рыбника кусок потолще, не стесняйся.

— Спасибо. Так вот, я сам из колхоза «Заря», отсюда километров пять. До нынешнего лета колхоз наш маленький был, жили ни шатко, ни валко, серёдка на половинку. Конечно, хлебом обеспечивались и государству должны не

бывали. На первый взгляд — всё в порядке, а разберёшься — нет колхозу настоящего развития. На месте стоим. Молотилку, было, новую купить — и то денег мало, а что-нибудь большое заводить — и не думай.

— В маленьком-то колхозе всегда так, — подтвердил Африкан.

— Совершенно справедливо! Ну, теперь — иначе. Объединились мы с соседними колхозами — из пяти один стал. Это другой разворот жизни...

— Правильно, друг, правильно. Ты разговаривай да и рыбник не забывай. А то вот и кисет с табаком, бери.

— Так вот, говорю, объединились. Я в своём колхозе счетоводом работал и в объединённом на ту же должность назначили. Подсчитал я всё, что в большом колхозе стало, да, подсчитав, и раздумался — совсем иначе размахнуться можно: не на молотилку, не на косилку, а на электростанцию...

— Вон оно что! Ну, ну, рассказывай.

— Станцию на речке строить можно. Есть у нас речка, да воды в ней маловато. В старину, говорят, по ней даже барки сплавляли, а сейчас прямо смотреть не на что — не речка, сырое место. А исток речки — вот из этого Худого озера. Вот меня и заинтересовало: а много ли из озера в речку воды поступает, нельзя ли её поприбавить? Надо посмотреть. Сходил раз, вижу — истока почти нет, весь он зарос кустами, разной болотной дрянью, корягами. Подтопило озеро свои берега, заболотило их без истоку. А озеро — ключевое. Ведь когда-то здесь не мхи, а луга были, трава по пояс. Неподалёку отсюда ещё озеро есть и тоже ключевое. Из него хорошая речка бежит да так в лесную реку, вдали от селений, и впадает без всякой пользы. Ежели из того озера да в Худое перекоп сделать, канавой воду сюда пустить да здесь исток речки расчистить, — будем мы и с электростанцией и с хорошими сенокосами. Хожу вот, меряю, рассчитываю — выйдет ли так. По-моему, выйдет. Ну, я первую работку сделаю, а потом и специалистов пригласим, пусть они своё слово скажут...

Шлёпая босыми ногами по лужам, подошли к нам два паренька, лет по двенадцати. Один из них нёс корзину, накрытую полотенцем.

— Ой, а мы думали, нам и не найти тебя будет, Иван Васильевич, — заговорил один. — Нас председатель к тебе с хлебом послал. И молоко тут, и табак есть, и спички. Председатель говорит: «Снесите еды нашему водяному инженеру, он там, наверно, всё позабыл, кроме своей заботы». Мы и пошли.

— Да ты, наверно, не семейный? — спросил Африкан.

— Одинокий пока, — улыбнулся Иван Васильевич. — Вот колхоз обо мне и заботится. Спасибо. Хорошо в большой да дружной семье жить, в колхозной. А своего я добыюсь. Тогда озеро Худым называть не будем.

— Нет, уж пусть старое название, — заметил Африкан. — Врагам нашим на память, чтоб помнили, каково в русскую землю без спроса ходить.

— Мы им и без того крепких на память зарубок наставили. Не забудут, коли ум есть. А озеро, всё-таки, переименуем. Хорошим оно должно быть — не худым.

МАЛЕНЬКИЕ СОТКИ

Секретарь райкома партии, очинив карандаш, стал просматривать сводку уборочных работ за последнюю пятидневку. Статистик райсельхозотдела — светловолосая девушка — с равнодушным видом сидела против него за столом.

— Г-м, г-м! «Путь к коммунизму» — на первом месте, — бормотал секретарь. — Хорошо, хорошо! А это что такое? «Красная звезда» — на втором? Быть не может! В прошлую пятидневку она на шестнадцатом месте была! А ты не напутала? — обратился он к девушке.

Та сердито поднялась:

— Нет, не напутала, Игнатий Иваныч. Что вы каждый раз во мне сомневаетесь! Только один раз за два года и ошиблась, а вы всё помните.

— Ну, ну, ладно! Но всё-таки — почему «Красная звезда» впереди? Я там уже две недели не был...

Он протянул руку к телефонной трубке:

— Дайте председателя райисполкома. Николай Николаевич? Здравствуй. Ты когда из колхозов приехал? Вчера вечером? Ну, а я полчаса назад. Давай-ка, съездим в

«Красную звезду». Интересно, в чём её успех. Ага, ты тоже заинтересован? Вот, вот. Поедем после обеда! Хорошо?!

★ ★ ★

Райкомовский газик, немилосердно стреляя выхлопной трубой, бодро проскакал по бревенчатому настилу через болотце, осилил крутой глинистый уклон и, рассерженно фыркая, остановился у колхозной конторы.

Но в открытое окно правления никто не выглядывал, одна лишь пёстрая курица деловито бродила по подоконнику. А на дверях висел огромный замок.

— Все на работе, — сказал секретарь. — Ну, что ж, пройдем в поле, к народу. А вот кстати и проводники пришли.

— Ребятки, проведите нас в то поле, где работает народ, — сказал секретарь.

— Не можем! Мы — дежурные по деревне, — заявил паренёк постарше. — А председатель наш на гумне. Туда и идите. Мы всю рожь сжали и обмолот её заканчиваем.

— Так как же нам на гумно-то пройти?

— Сначала в этот отводок, потом проулком и за третьим домом направо...

Подходя к колхозному амбару, приезжие увидели склонившегося над чем-то человека.

— Да ведь это Грошев, секретарь колхозной парторганизации, — сказал секретарь райкома. — Побеседуем сначала с ним.

Грошев, немолодой уже колхозник, сидел в тени на чурбаке у разобранной жнейки и, видимо, её ремонтировал, — рядом в ящике лежали слесарные инструменты. Грошев усердно обтачивал какую-то деталь подпильником. Заметив секретаря райкома и председателя райисполкома, он поднялся им навстречу.

— Ну, как тут у вас дела идут? — издалека начал секретарь райкома, пожимая руку Грошева. — Как с уборкой справляетесь?

— Дела идут хорошо,—неторопливо ответил Грошев.— Чего ж им не идти; народ работу любит, трудится честно

— Нас вот что интересует. Ваш колхоз до последнего времени в передовых не был. А тут — озимые убрали, обмолотили и госпоставки по ржи выполнили. Как вы этого добились?

Грошев удивлённо посмотрел на секретаря:

— Как добились? А просто. Вот, обождите минуточку, болт на место поставлю, тогда и побеседуем, а то через час за машиной приедут...

★ ★ ★

— Хотя я и не счетовод, но цифры люблю. На глазок ничего путного не сделаешь. Вот перед партийным собранием, на котором мы план уборки обсуждали, взялся я за подсчёты. Оказалось, что всё рассчитано правильно: и нормы выработки, и площади посевов. Передо мной встал вопрос, нельзя ли где ещё запаса найти, чтобы уборку на неделю раньше закончить? Не вам говорить, на один день уборку затянешь — хлеба амбар потеряешь. Сажу и думаю: «А что, если каждому колхознику не только норму выполнять, но хотя бы по одной лишь сотке, по одному проценту сверх того делать?». Мне карандаш помогает. Вижу — выходит, что если каждый косец и каждая жнея по лишней сотке сделают, то на два дня с лишним уборку ржи раньше закончим. Вот с этого и началось. На собрание это обсудили...

— Ну, ну, дальше!

— Что ж — дальше? Тут же на собрание все коммунисты взяли обязательство: не меньше чем по одной сотке сверх нормы давать, а кому иначе работать, не по соткам, — один процент. Комсомольцы тоже такое решение приняли. Ну, тут я думаю: «Одним коммунистам да комсомольцам всего дела не переделать — сила в беспартийных. Надо к ним обращаться». А как? Зову редактора стенной газеты Петю Силуянова. Говорю:

«Что-то твоя газета стала только по большим праздникам выходить. Разве так партийное поручение выполняют?»

Собрание, слышал, что решало? Давай завтра «Боевой листок» выпускай, пиши в нём обязательства коммунистов и комсомольцев — за одну сотку бороться. Вызываем, мол, всех остальных, беспартийных!».

— Ну, вот дело и пошло. Утром Петя «Боевой листок» выпустил, по бригадам его разнесли, а к вечеру второй листок пришлось выпустить, — беспартийные тоже стали заявлять, что и они по сотке сверх нормы убирать будут.

Так вот и пошло — что ни день, то «Боевой листок». Бригада бригаду вызвала на соревнование. Уборка началась. Я от Пети не отстаю: чтоб был к вечеру «Боевой листок», чтоб было в нём сказано, кто своё обязательство выполнил и перевыполнил, а кто только слова на ветер бросал... Вот и всё.

— Подожди, товарищ Грошев, — сказал секретарь. — Ну, вот ты организовал соревнование и результаты работы предавал гласности. А все успевали прочитать «Боевой листок»?

— Как же! Пионеры в этом помогли. Они у нас как бы за телеграммы отвечали...

— Как это — за телеграммы?

— По вечерам «Боевые листки» в бригады разносили. А там уже у нас люди подобраны, агитаторы, проще сказать. Колхозники как с работы вернутся, так и не расходятся, пока не узнают результатов соревнования.

— Значит, теперь все, кто на уборке работает, свои обязательства выполняют?

— Ну, теперь уж не об одной сотке речь идёт. Это в первые дни было, а потом и по полторы и по две нормы стали давать.

— А есть отстающие?

— Было несколько человек, но сами же колхозники на них воздействовали. Как их фамилии? А не стоит вам и записывать. Теперь каждый из них не хуже других за сотку борется...

— Да, действительно простое дело, — говорил секретарь председателю райисполкома на обратном пути. — Молодец Грошев! Настоящий коммунист! Понял, как соревнование надо вести. Теперь ясно, почему «Красная звезда» впереди других идёт. А давай-ка, Николай Николаевич, заедем по пути в «Искру». Посмотрим, как там соревнование организуют...

ЛЬНЯНАЯ АКАДЕМИЯ

— Такое дело и с опытным лесорубом может случиться: не рассчитал, прозевал — и прикроет тебя падающим деревом. Ну, а что с меня взять? Я первые дни в лесу работаю. Не остереглась! А ведь кричали мне «Отойди!». Ну, вот и сиди теперь, отдыхай на бюллетене, чтоб этому отдыху неладно было. С тоски сгоришь!

Так утешала себя Нюра Верхова, но утешиться не могла.

Месяц назад Нюра и десять её подружек решили поработать в лесу. Молодой задор, крепкие руки — всё это скоро поставило девушек в один ряд со старыми лесорубами, с кадровиками. Вечерами молодые колхозницы вспоминали, как провожали их в колхозе, сомневались, выстоят ли они с топором и пилой.

Начали с того, что сучья сжигали, а теперь — пятеро на электропилах учатся работать, остальные — лучкисты. И ничего — норму выполняли.

Но вот случилось же так! Дул сильный, порывистый

ветер. Толстая, только что подпиленная берёза уклонилась не в ту сторону, куда ей надлежало, и, падая, сшибла своей вершиной Нюру. Хорошо, что всё обошлось ушибом ноги. Кое-кому крепко попало за то, что не учили молодых лесорубов правилам техники безопасности. А Нюре пришлось дома сидеть. Врач сказал:

— Через две недели — хоть пляши, хоть работай — нога в порядке будет. А сейчас посидеть надо десяток дней.

Особенно скучала Нюра днём. Рабочие были расквартированы по домам колхозников — бараки ещё только строились. Люди уходили на делянки задолго до рассвета. Потом и колхозники исчезали — кто на двор, кто на гумно. Ребятишки убегали в школу. Тихо, сонно становилось в селе до вечера.

Были у Нюры книги, журналы, рукоделье, но в тишине, без людей, и книги не читались, и рукоделье не спорилось. Хотелось быть в шумной весёлой семье своих подружек.

В полдень приходила хозяйка в ватнике, густо усеянном льняной кострой. Обедали вдвоём, и опять тишина до вечера, когда из леса возвращались рабочие...

— Ой, девушка, — как-то пожаловалась хозяйка, — столь много у нас ещё льна трепать! До нового года не справиться!

Нюра была родом из льноводческого района, и слова хозяйки заинтересовали её:

— Что же, трепальщиц в колхозе мало?

— Трепальщиц-то много, а льна больше того. А обделать его поскорее хочется. Доход от него хороший.

— Это и говорить нечего! — оживилась Нюра. — Я в прошлом году в своём колхозе на льне на свои трудодни только лишь деньгами больше двух тысяч рублей заработала.

— Брось-ка ты врать! — хозяйка от удивления даже ложку уронила. — Тоже, сказала! Да разве на льне много зарабатываешь?

— Мне врать незачем, — обиделась Нюра. — Колхозная книжка и теперь при мне.

Она порылась в своём сундучке и протянула хозяйке книжечку в синей обложке. Хозяйка долго рассматривала её, читала вполголоса.

— И верно, девушка. Ну, прости за глупость! Вот это заработок! Так по сколько же надо в день натрепать, чтобы так зарабатывать? Я вот и неплохая трепальщица, а больше четырёх килограммов никак не сделаю. А у вас машины, наверно?

— Льномялки есть. А треплем тоже вручную. Я по четырнадцати, по шестнадцати килограммов натрёпывала, а которые поопытнее — по двадцати пяти давали.

— Так бы и сказала опять, что это неправда. Да ведь обидишься.

— Конечно, обижусь! А вот тебе от меня ещё правда: то, что вы натрёпываете, — детская работа...

Под окном постучались, кто-то прокричал:

— Марья Петровна! Пообедала, так пойдём!

— Ой, и верно идти надо! — заторопилась хозяйка. — Выймой, Аннушка, посуду, будь друг, а я опять пошла лён трепать.

Через час Нюра, прихрамывая, морщась от всё ещё тянущей боли в ноге, вышла на улицу и радостно вдохнула бодрящий воздух ранней зимы. Медленно девушка дошла до большой избы-пятистенки, где, как она знала, работали льнотрепальщицы. Там она пробыла до сумерек.

День спустя Нюра опять явилась в эту избу, но уже с утра. Принесла она с собой странное сооружение: что-то вроде большой прялки, с полукруглым отверстием в верхней части.

— Ну, что ж, подруги, давайте я вам помогу, — сказала она. — Потреплю и я ленку да по-своему, как в нашем районе треплют. Смотрите-ка. Ставлю я эту доску перед собой, в вырез горсть льносоломки закладываю, придерживаю его левой рукой. Трепало у меня широкое, как лопата, не то что ваши, узенькие, словно ножи. Лёгким трепалом много не наработаешь, хорошей выработки не дашь...

— Что ж, по-твоему разве лучше? — усомнился кто-то.

— Смотрите!

Опустив свои трепала на колени, колхозницы с нарастающим удивлением смотрели на Нюру. Ловкими, привычными движениями подхватывала она горсть соломки — несколько взмахов трепалом, шуршанье отлетающей костры, затем быстрая перекидка полуотрёпанной горсти другим концом — и на полу растёт кипа чисто отрёпанного серебристожёлтого волокна.

Часу не прошло — слух о новой трепальщице разнёсся по селу. С обеда в помещение трепальщиц стали заходить колхозницы с разных других работ. Все они с интересом следили за работой Нюры, сами становились на её место, пробовали делать так же, как она.

— Ты, Нюрушка, отдохни, — говорили они. — Нога-то у тебя больная.

— Болезнь работой лечится, — улыбалась Нюра. — Лежать да без дела сидеть — вот это скучно. А ну, давайте, кто больше — я по-своему или вы.

И вот, вечером к трепальщицам явился председатель колхоза. Долго стоял он, любуясь работой Нюры, потом скомандовал:

— Шабаш! Хватит тебе, девушка! Отдохнуть надо, здоровье побережь. Ловко у тебя дело идёт. А ну-ка, дайте безмен.

Все, прекратив работу, глядели, как председатель подцепляет к крюку безмена отрёпанное Нюрой волокно.

— Пятнадцать килограммов, — довольным тоном сказал он. — Здорово! Одна за четверых сработала. Кабы у нас все так обделывали лён, давно бы он отрёпан был. Как вас звать-то?

— Верхова Анна...

— А по отчеству? Васильевна? Так. Поучи-ка ты, Анна Васильевна, всех наших трепальщиц по-своему работать. Спасибо скажем.

— Поучить я согласна, — ответила Нюра. — Да ведь у вас три бригады в колхозе, в каждой надо побывать, а мне дня через два в лес на работу надо...

— А мы вот что сделаем. Завтра я с начальником лесопункта побеседую, попрошу, чтобы тебя у нас в колхозе оставили, как бы сказать, льняную академию организовать. А взамен тебя мы в лес трёх своих колхозников лесорубами пошлём. У наших тоже топор из рук не выпадет. Понятно? Как думаете, колхозницы?

— Что ж, правильно!

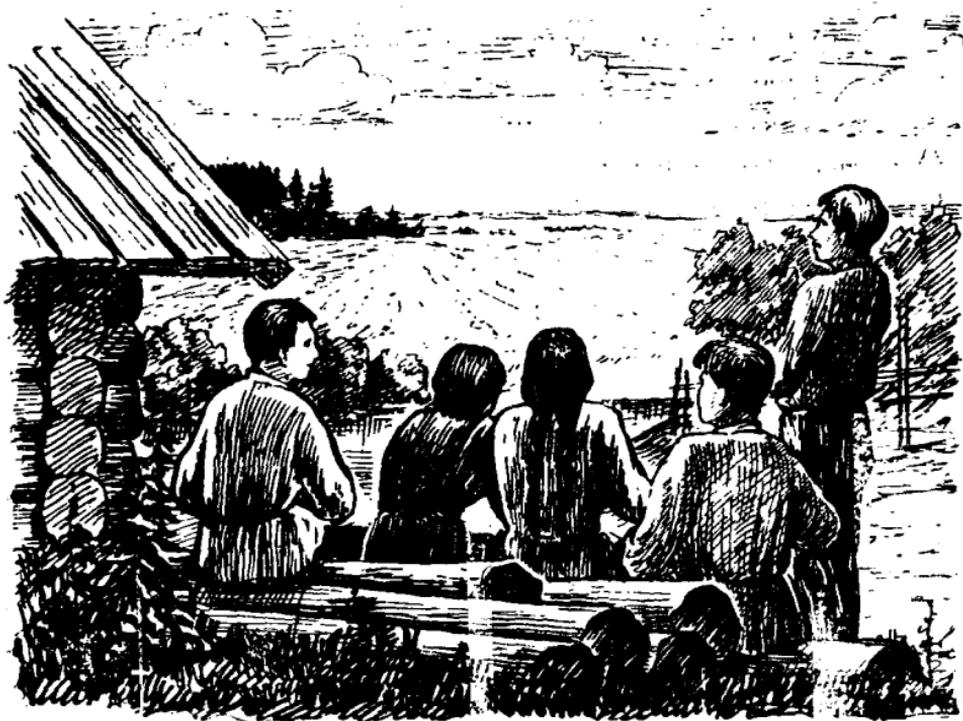
— То-то же! Это самое милое дело будет. И лён и лес государству нужны. А с ленком мы отставали, прямо сказать, не мастера этого дела были. А теперь своего академика завели. Да ты, может, Анна Васильевна, хорошего парня в нашем колхозе присмотрела? А? Так оставайся совсем. Чего тебе в свой район возвращаться. Женщины, как по-вашему?

Общий смех был ответом. Нюра не рассердилась на шутку председателя.

— Это я ещё посмотрю, как ваши парни в лесу работать будут.

— Умно! Давай руку, Анна Васильевна. Начинай нас учить своему льняному ремеслу!

СВАТЫ

Вот он — аттестат зрелости. Плотная белая бумага, чёрными буквами напечатан текст, тушью написаны имя, отчество и фамилия получившего аттестат: «Пётр Иванович Окунев»... А ниже отметки — пятёрки, пятёрки. И, наконец, подписи директора школы, учителей.

Аттестат лежит на столе, на праздничной скатерти. Каждый считает своим долгом подержать его в руках, прочесть, не торопясь, от слова до слова и даже заглянуть на оборотную, чистую сторону, — а вдруг и там что-нибудь есть...

Первый день после сдачи экзаменов! Петя думал, что, утомлённый ими, он проспит в этот день до вечера, отдохнёт. Какое там! Проснулся спозаранку, с чувством особенной радости, будто очень хороший подарок получил, а впереди ожидается что-то ещё лучшее.

Впрочем, ничего особенного не случилось. А бездельничать, валяясь на постели, показалось и скучно и неладно.

Наколол Петя не меньше кубометра дров, наносил целый ушат воды, и когда пришла с колхозного двора мать, то руками развела:

— Отдыхал бы ты! Ведь совсем замаялся с экзаменами, похудел.

И занялась своим делом у печи. Задумано было сегодня кое-кого из родных и знакомых на пирог позвать, на чашку чая, в честь окончания Петей школы.

Приготовляя угощение, Анна Матвеевна думала о Пете, улыбаясь тому, что вот, мол, вырастила неплохого парня, выучила. Спасибо советской власти, не оставила, не позабыла вдову солдата, погибшего в сорок первом под Москвой. Теперь и младшенькой, Любаше, через два года на аттестат держать. Но улыбка сменилась вздохом: вырастить-то вырастила и выучить выучила, да вот вспорхнёт, улетит далеко-далеко дорогой сынок, будет ещё не один год учиться, свой путь найдёт и вернётся ли домой, в родное гнездо?

После завтрака Петя пошёл к товарищам, державшим экзамены вместе с ним. И снова вспыхнули жаркие разговоры, кто и куда пойдёт учиться. Борис Меднов твёрдо решил идти в военную школу, Вася Козлов — в медицинский, а девушки, как одна, — в педагогический институт.

Сидели все вместе на брёвнах у колхозного амбара. Тих, ясен и не зноен был день, уже отцвела скорая северная весна и наступило лето. За рекой, в кустах сирени, в тополях сверкала под солнцем недавно покрашенная крыша той самой школы, где проведено было десять лет. И вот теперь эта школа — в прошлом. А впереди...

— Давайте, споем что-нибудь, — предложила Таня Кузнецова, единственная дочь солдатской вдовы. Ей и учиться хотелось ехать и матери было жалко.

Попробовали петь, но и без песни было не хуже.

— Нет, сейчас петь не стоит, — заметил Борис. — Все к работе готовятся, к сенокосу. Послушайте-ка!

Ребята притихли. Где-то трещала косилка, — все знали: это обкатывают машины после ремонта. С другого конца

села доносилось словно бы стрекотанье больших кузнечиков: Влас Иваныч и Семён Семёныч косы отбивали. Влево, за гумнами, на посевах льна, белели платки полольщиц.

— Мы вечером споём,—сказала Таня, вставая.—А ты, Петя, решил, куда пойдёшь учиться?

— В военное, вместе с Борисом,—быстро ответил Петя.

— Что ж мы лодырничаем? — вскричал Борис. — Хватит, отдохнули. Идём работу искать.

— Мы — к полольщицам, — заявили девушки. — Вот только домой сбегает переодеться.

— Нет уж, полоть не стану, — сказал Борис. — Подавай нам работу настоящую.

Работа скоро нашлась. Около колхозного гумна к молодёжи подошёл председатель колхоза.

— Гуляете, отдыхаете? — спросил он. — Ну, ну, молодцы, отдохните перед большой учёбой.

— Нам бы поработать на прощанье, — сказал Борис.

— Милости просим, зрелые ребятки. Вот крыша у нас не докрыта, валяйте сюда, — сказал председатель, — Дедушка Фёдор, вот тебе помощников целая тройка.

Дед только головой мотнул, рот у него был занят гвоздями.

Так прошёл день...

А вечером в домике Анны Матвеевны собрались гости, всё свои люди. На почётном месте посадили красного от смущения Петю, поручили ему, как хозяину, рыbnик разрезать, рюмки вишнёвкой налить.

— Стой, не пей, обожди минутку, — скомандовал дядя Павел. — Председатель колхоза сюда идёт и с ним Иван Михайлыч. Дождёмся их.

Иван Михайлович, бригадир второй бригады, поскрипывая протезом ноги, пожал всем руки, каждому что-нибудь весёленькое сказал. Новых гостей усадили получше, налили им по рюмке.

— За Сталина, что дал нам возможность самим людьми быть и детей такими же сделать! — сказал Иван Михайлович, вставая.

Выпили молча, с торжественными лицами. Помолчали... Деловой разговор завёл всё тот же Иван Михайлович.

— Ну, на кого и куда учиться пойдёшь? — спросил он Петю.

— В военную школу, вместе с Борисом.

— Так, так. Хорошее дело. Умное! Впереди ещё великие битвы могут быть, пока коммунизм во всём мире не победит. Очень нужны нам хорошие, наши, советские офицеры. Правильно надумано, правильно. Только, вст, одно...

— Что «только»? — обеспокоился Петя, чувствуя какой-то подвох со стороны Ивана Михайловича.

— Зрение у тебя не офицерское. Уж если ты от меня этого не смог утаить, то на комиссии не утаишь и подавно. Да и не дело комиссию обманывать, хотя бы у тебя и хорошая цель была.

Петя густо покраснел. Бригадир попал в самое больное место, о котором Петя даже думать боялся.

— Угадал? — прищурился Иван Михайлович. — Да ты не горюй. В случае военного дела неплохим солдатом будешь. А офицеру зрение нужно особенное, сильней орлиного. Впрочем, Петенька, я к тебе не за этим пришёл, — кивнул он на стол. — Поздравить с аттестатом, конечно, надо, но не только это. Нет, совсем по другой причине мы к тебе с Прохором Семёнычем явились. Сватами, как по старому обычаю молвится...

— Сватами? — ахнули гости. — Да что вы?! Парню всего восемнадцать лет. А учиться? — заговорили все наперебой.

Иван Михайлович перестал улыбаться, неторопливо закурил.

— Да говори же, Иван Михайлович! — тормошили его гости, особенно — любопытные женщины. А Петя даже растерялся: он видел, что бригадир шутит, но к чему клонилась эта шутка — понять никак не мог.

— За науку его просватать хотим! — ответил наконец Иван Михайлович.

— За науку? Чудное имя какое...

— Да откуда она? Чьих родителей?

Иван Михайлович расхохотался:

— Совсем запутал я вас, дорогие товарищи. Пошутил я. Хотим мы Петра Ивановича сосватать на агронома учиться.

— Вон он что...

— А мы-то думали...

— Теперь без шуток разговор поведём. Пришли мы к тебе, Петенька, не шутки ради, пришли и говорим: иди учиться на агронома. Будешь сельскохозяйственным офицером. Нам такие очень и очень нужны. Но только с одним условием: учиться так же хорошо, как и здесь, в школе, а после учёбы — вернуться в родной колхоз.

— Это вот к чему сказано, — забасил Прохор Семёнович. — Родился ты не при единоличной жизни, а в колхозе, и на колхозном хлебе вырос. Слов нет: и офицеры нам нужны, и врачи, и учителя, и инженеры. Все нужны. А нам, колхозникам, агрономы так нужны, так необходимы — сказать нельзя. Вот что! Ты пойми сам: сейчас колхозы крупными стали, ими как попало руководить нельзя, надо большевистски, по всей науке. А мы, старики, больше практикой пробавляемся. Как дело до научного дойдёт, так всего в пот и бросит: и самому надо понять и другим объяснить. Где тут! А как свой-то агроном у нас будет, тогда мы станем спокойны. Ведь что на-днях вышло: вздумали мы посевы бактериальными удобрениями подкормить. Приготовили азотоген, первый раз ещё за него берёмся. И вот заезжает к нам районный агроном. Интересуется: «Под какую культуру это удобрение вносить будете?» — Под горох. — «Да что вы! Азотоген под горох нельзя, его только под зерновые!». Видал? А?

— Верное твоё слово, сват, — поддержал председателя дядя Павел. — Нам в каждый колхоз нужен агроном, да не с коротеньких курсов, а из большой школы. А то вы, молодёжь, выучитесь да и улетаете из родной деревни, от своих колхозников. Знаю, везде люди нужны, да ведь и колхозу вы надобны. Иди, учись на агронома. И после

ученья к нам. И нам лестно — свой, колхозный агроном есть. Он каждый комок земли в родном поле знает.

— Запомни, дружок, — добавил Иван Михайлович, — что великий русский учёный Тимирязев говорил: «Слава тому, кто вырастит два колоса там, где раньше один рос». Замечательные слова. Золотые! Каждый из нас их, как присягу, помнить должен. Мы — спасибо нашей советской власти — уже и по три колоса вместо одного выращивать научились, а как ты к нам с наукой придёшь — и десять и больше вырастим. Пойми — мало ещё у нас агрономов.

— А ты как, мама, думаешь? — спросил Петя. И в мыслях уже не мундир советского офицера обтягивает его плечи, а пропылённая полевым ветром рабочая куртка, и шумит, шумит перед ним, перекатываясь бронзовыми волнами, чудесная пшеница выше человеческого роста, и колос у ней — небывалой величины.

— Что мне говорить, — ответила Анна Матвеевна. — Всякий труд почётен, а на земле особенно. Иди, Петенька, в агрономы, иди, сынок!

— Сосватали! — хлопнул ладонью по Петиней руке Иван Михайлович. — Ну, пьём за будущего агронома, за колхозное счастье!

МЕЧТАТЕЛИ

Осенние ночи известны — темень, хоть глаз выколи. До полуночи ещё далеко, а колхозники уже спят. Тихо на улице, только сторож Данила ходит от амбаров к дворами и обратно.

Заглядывает Данила и на ближнее гумно, от которого сладко пахнет дымком и тёплой соломой. Радостен этот дымок крестьянскому сердцу. Осень! Урожай убран, осталось только картошку докопать. Народ в поле весь день, работаются днём всласть, зато ночью и сон крепок.

Подошёл сторож к гумну, остановился, прислушался у риги: оттуда доносились глухие голоса.

— Опять у Степана дружки сидят, картошку пекут, спорят, мечтают, — усмехнулся сторож. — И ведь, почитай, каждую ночь они так собираются.

Данила закурил, перекинул старенькую берданку с плеча на плечо и опять побрёл к амбарам.

Ровным пламенем горят дрова, без искры, без треску. Сушильщик Степан дело знает — тысячи снопов высушил на своём веку. Рига закопчена до блеска, наполнена сухим жаром, запахом сохнувшего хлеба.

У огня — трое: сам Степан и его неизменные друзья — кузнец Фёдор Ильич и пастух Павел Павлыч — «завстадом», как он любит себя именовать. Кузнец, как и Степан, к теплу привык, а пастух огню рад. В пастуховом деле всячинка бывает — и холодный ветер, и проливной дождь.

Друзья едят печёную картошку, обжигаются, дуют на пальцы.

— Добрая нынче картошка уродилась, рассыпчатая, хороший фрукт! — говорит Павел Павлыч.

Кузнец с усмешкой смотрит на пастуха:

— Эх, ты! Разве картошка — фрукт? Плодоовощь это!

— Ну, плодоовощь, мне всё равно, — соглашается Павел Павлыч, выгребая из горячей золы ещё пяток картофеля. — Я про то говорю — хороша!

— Фрукт — это яблоки, вишни, ну... и арбуз, — поясняет кузнец.

Степан, поправляя дрова, вмешивается в беседу:

— Читал я недавно в газете, что колхозы под Москвой стали теперь арбузы и дыни выращивать. Значит и у нас что ли они вырастут?

— Руки с уменьем приложить — у нас, может, и не то ещё вырастить удастся. Была бы охота.

— Ну, арбузы, дыни нам пока ещё не так интересны, а вот яблоки, вишни надо бы свои заводить. Я вот не так давно в Череповце был, заходил к знакомым. Дивно! У них и яблоки растут крупные, сладкие, и вишня есть. А ведь от нас до Череповца и всего-то двести километров.

— Надо бы на правлении об этом потолковать, насчёт того, чтобы колхозный сад устроить. А? — мечтательно говорит Павел Павлыч.

— Яблоней бы так на полтысячи. Красота! — подхватывает Степан. — Да чтобы яблоки по кулаку и сладкие

или с маленьким кваском. Довелось мне в гражданскую войну на Кубани побывать, в Воронеже, в Тамбове тоже. Ах, какие там сады яблоневые! На километры!

— И у нас это может быть, — отвечает кузнец. — Только бы со всей душой и раденьем дело начать. Разве у колхоза теперь земли мало? Выбирай любую площадь, вон хотя бы за Красной Глинкой...

Они долго молчат. Каждый вспоминает то, что пришлось видеть в своей жизни. Степану кажется, что опять он молодой красноармеец, идёт со своим полком воронежскими равнинами. Впереди гроыхает, трещит, — бой завязался, спешит полк на свою позицию. А справа село в яблоневых садах. О таком саде тогда мечталось, чтобы и на родине он был, на севере...

Кузнец — тугодум. Но и по его лицу видно, что встаёт перед ним полузабытым видением далёкий Крым, где с отцом своим пришлось ему быть на заработках много лет назад.

Мечтает о чём-то и Павел Павлыч...

— Да! — шумно вздыхает кузнец. — Сады, сады! Всё это, говорю, в наших руках. Думалось ли нам когда, что по сту пудов хлеба с гектара получать будем, мечталось ли когда о таком урожае? А вот — получаем! Или коровы наши — по три сотни литров молока давали. Теперь и две тысячи не на удивленье, если доярки надоят от каждой коровы. А по области и больше того есть, в других районах. Или, взять, — огурцы. И вырастить-то их не знали как, а нынче у каждого кадушка с солёненькими...

— Сады будут! — твёрдо говорит кузнец, словно кувалдой бьёт. — А вот нашему колхозу автомашины нужны, уж это вот как необходимо. Конь хорош, да всего дела и коню не справить. Колхоз-то вон какой стал — размах хозяйству теперь большой дан. Как же без автомашины теперь?

— Средства для этого нужны большие, — замечает Павел Павлыч. — А деньги колхозу на многое требуются, не только на автомашины. Вот осень, скот надо под крышу ста-

вить. Дворы у нас хорошие, ничего не скажешь, а всё-таки не по всей науке. В других колхозах автопоилки ставят, а у нас всё ещё коровам ведрами да ушатами воду носят.

Кузнец встаёт:

— Ах, братцы, братцы! Вся сила в нас! И сады нам надо, и машины, и скот хороший. Всё на улучшение народной жизни. Да ведь об этом не только говорить надо. Делать это надо! На собраниях, в правление об этом кричать.

— Да разве мы молчим? — удивляется Степан. — Мы свою мечту не скрываем.

— Настойчивее надо быть! — гремит кузнец. — Придумал что-либо хорошее, — не таи, людям об этом говори...

В низенькую дверь риги кто-то постучал:

— Эй, старички-домовички! Пустите погреться! — крикнули с улицы.

— Костя это мой, — сказал Степан, откидывая крючок дверцы. В неё один за другим, сгибаясь, пролезли три паренька.

— Вот где жарынь-то! Да как вы тут терпите? — сказал один из них.

— Терпим, — ответил кузнец. — Это кто? А! Костя, Васька да Семён, никак. И как вам охота, ребята, в такую темень по селу шататься? Откуда идёте?

— На комсомольском собрании были. Идём мимо риги — слышим в ней разговор. Вот и завернули к вам. Наверно, печёная картошка есть? Угостите.

— Обожди минут пяток. Вторая порция в золу засыпана. Ну, а что на собрании постановили, ежели не тайна?

— Тайны нет. Собрание открытое было. А решили мы вот этой же осенью плодовый сад заложить в колхозе. Послезавтра правление заседать будет, — станем просить, чтобы участок под сад отвели и насчёт кредита хлопотали на покупку саженцев. Мичуринские сорта заводите будем.

— Слышал? — подтолкнул Степана кузнец.

— А второе, — продолжал Костя, — нашему колхозу два грузовика дают. Полуторки. На курсы шофёров двух

человек посылать надо. Я завтра заявление писать хочу. Как ты, отец, на это смотришь?

— Чего тут смотреть-то? — удивился Степан.— На доброе здоровье! Мы как раз только об этом беседовали, автомашины, мол, колхозу нужны.

— Ну, а ещё чего решили? — допытывался кузнец.

— Много чего решено. А вот завтра к нам инженер из сельэлектро приезжает. Будет проект составлять на постройку гидростанции у нас...

— Да что ты?! Это вы тоже решили?

— Нет, это уж давно в правлении решено, а теперь и дело в ход пошло. Не только у нас в каждом доме электрический свет будет, но и механизацию проведём везде — и на гумнах, и на дворах.

— Ну, вот, и по-моему вышло, — довольно крикнул Павел Павлыч. — А то сады да машины! Ведь автопоилки тоже нужны...

— Удивительно! — помотал головой кузнец. — Мы тут сидим, мечтаем, а наши мечтанья на деле осуществляются. Как после этого к работе не тянуться, не стараться? А?

ИВАН КИРИЛЛЫЧ

— Иван Кириллыч где?

— На крыше он. На гумне.

— То-есть, как это — на крыше?

— А так очень просто. Крышу дранкой кроет.

Действительно, на крыше колхозного гумна я увидел Ивана Кириллыча. На груди старика — холщёвый мешочек с гвоздями. Четыре школьника, с очень важными деловыми лицами, помогали Ивану Кириллычу. Ещё два — сортировали внизу дранку и подавали её наверх по первому требованию кровельщиков.

— Вы, там, внизу, пошевеливайтесь! — покрикивали сверху. — Что от нас отстаёте!

— Ко мне? — закричал Иван Кириллыч, завидя меня издалека. — Полезай сюда, на крышу. Здесь ветерок вольный, дышится легко, комаров нет. Хоть на ночь спать устраивайся.

Покончив деловой разговор, мы закурили. Мне не хотелось уходить с крыши. Очень уж хорошо здесь, всё далеко видно. Вон на берегу озера колхозное стадо и дымок сизый вьётся, — это пастух нарочно костёр с дымом разложил: жмутся к дыму коровы, спасаясь от комаров и ово-

дов. А вон на глинистом пригорке, у силосных ям, разноцветные платья колхозниц — лён полют. А за озером — тёмная стена леса, жемчужные облака над ним. Хорошо!

— Шестую крышу за весну крою, — говорит Иван Кириллыч, осторожно гася окурок, чтобы не заронить огня. — И ещё четыре крыть надо. Такое уж у меня, старика, кровельное звено. Я да школьники. На скотном дворе — раз на конюшне — два, на овчарнике — три, на водогрейке — четыре, да ещё, погоди, забыл, да! На зернохранилище! Теперь, вот, гумно в порядок привожу. Да ещё на четырёх сеновалах надо. Ничего, управлюсь...

Он ловко, с двух ударов, загоняет гвоздь в податливое дерево, веером раскидывает перед собой дранку, успевая следить за своими помощниками.

— Валентин, опять кверху ершом дранцу кладёшь! Ещё раз замечу — отправлю вниз, на сортировку. Пойми: если задиром кверху дранка ляжет, на ней вода будет задерживаться, начнёт дранка гнить, — вот тебе и дыра на крыше.

— Я больше не буду, дедушка.

— Смотри! Два раза простил, третий не прошу! — и, обращаясь ко мне, заговорил:

— Наш колхоз теперь и ночью узнаешь. Ишь, как новые крыши сверкают! Пора, давно было пора, за крыши браться. В военные годы не до них было, ну, они и прохудились. А нынче колхозники ещё весной председателю заявили: «Крой крыши — пора! На скотину каплет, на гумне только в сухую погоду работать можно!». Кажется, не велико дело — крыша, а хлопот с нею немало. Лесу ещё по санному пути подвезли, дранки настругали, гвоздей добыли, и вот постукиваем молоточком...

Иван Кириллыч ухмыльнулся:

— Коровы-то вечером с поля идут, на меня поглядывают: «спасибо, мол, за заботу о нас!».

— Коровы вовсе и не думают так, — пробурчал какой-то юный скептик с гвоздями во рту. — Это нам только кажется.

— И то ладно! Коровам, конечно, до этого не додуматься; мы за них подумать должны. В тёплом хлеву корова и молока прибавит, конь в тепле да в сухости отдохнёт — лишний пуд увезёт. Вот тебе и крыша!

Подсыпав в свой мешочек ещё гвоздей, он опять в лад разговору застучал молотком:

— Так, говоришь, в отпуску был? Хорошо! В соседний район ездил, к родным? Тоже хорошо! Бывал и я в твоих местах. Наверно нынче и там строят, ремонтируют, крыши кроют?

— Есть и это.

— То-то же! Ты гляди-ка, брат, как нынче везде за животноводство взялись, а? Это по нашим местам — первейшее дело! А что надо, чтобы от скотинки прибыль была? В первую очередь корм! Если скотину кормишь досыта и с толком — вот тебе и доход. Сенокос подошёл — ни травинки нельзя на лугах оставлять, вот как полагается. А верно, что в твоём родном районе колхоз есть такой — «Путь к социализму»? Ещё в него село Ивановское входит, да Репино, да Гусево...

— Есть такой колхоз.

— Так. А верно ли, что в этом колхозе большое и умное дело сделали?

— Мало ли там больших и умных дел...

— Нет, ты погоди. Это у них — наособицу.

— Какое же дело?

— Эх, ты! Там был, а этого не знаешь! Ведь в колхозе «Путь к социализму» на всех лугах, на всех сенокосных угодьях сеновалы построены. Так?

— Да, так!

— Вот это и есть большое и умное дело. Замечательно там колхозники придумали, по-хозяйски! Ты посуди сам: сколько мы сена стогуем — чуть ли не всё! А хорошо ли это? То-то и оно! Зимой за сеном к стогу подъедешь — несколько пудов сена с верха стога дождями да снегом испорчено. Бросать его приходится. Да внизу, на остожье, опять несколько пудов оставлять надо. Ни к чему оно, гни-

лое. А ведь наш один колхоз до двухсот стогов ставит. Считай: если по пяти пудов мы на каждом стогу теряем, то, значит, тысячи пудов сена ежегодно выбрасываем своими руками. Вот оно что! Тысяча пудов — шутка ли сказать! Зря трудились над этой тысячей. А сколько скотины этим бы сеном прокормили? Правильно в том колхозе решили. Умно!

— А много ли у вас в колхозе сеновалов?

— Всего пять, вот оно что! Конечно, за один год на всех угодьях сеновалы не поставишь, но за два, за три справиться можно. Зато тысяча пудов сена, как в копилке. Велико ли дело — сеновал, да ещё в нашей лесной местности. Десяток брёвен на столбы и переводы, стены — плетнём заложил, ну, с крышей хлопот побольше, так где драночную, а где и соломенную можно...

Видно было, что Иван Кириллыч так бы сейчас и почался сеновалы строить. Он даже о работе забыл, но спохватился и ещё усердней застучал молотком.

— Ты об этом на колхозном правлении или на общем собрании говорил?

— Та и беда, что не додумался, пока о колхозниках из «Пути к социализму» не узнал. Вот третий день всё об этом и думаю. Завтра правление будет, там и поговорю. Да я вот первый с этими ребятами сеновалы строить пойду. Сеновал на большой пожне, у реки надо. Нет, пожалуй, два поставить требуется, один — ближе к лесу. Потом на Кривом плёсе, потом...

— Дедушка, обедать пора! — прервал старика один из пареньков. — Вон почтовый самолёт летит, значит, первый час уже.

— Ну, обедать, так обедать, — согласился Иван Кириллыч, откладывая молоток в сторону. — Пойдём ко мне, брат, уху хлебать.

Мы вышли в прогон. Вдруг старик остановился, наставил ко лбу ладонь козырьком и, всмотревшись, заявил:

— А ведь там у кузницы председатель наш и секретарь райкома. Вот оно и ладно. Пойду, потолкую с ними

на счёт сеновалов, а ты ступай-ка ко мне, садись с бабкой Матрёной обедать. Я мигом!

— Да вы и не ждите старика, — заявила мне бабка Матрёна. — Коли сразу до дома не дошёл, значит до вечера не явится и про еду забудет. Такой уж он у нас беспокойный.

ЧЁРНЫЙ ЛЕЩ

Нога-деревяшка — плохой ходок, и Егор Иваныч на рыбалку отправляется загодя, чтобы ко времени на месте быть. Постукивают удилица за плечом, дымится стариковская трубка, отгоняя суматошных, надоедливых комаров, вязнущих в непролазной чаще сивой дедовой бороды.

Работу Егору Иванычу в колхозе подбирают по силам: косы наладить, отбить, грабли исправить. Старик гордится своим непревзойдённым умением в этом деле, но времени свободного остаётся много. Вот почему Егор Иваныч любит иногда потешиться — посидеть с удочкой, покурить на свежем ветерке, подумать...

Восемь километров до Дегтярного мыса да в такую жарынь — дорога немалая, особенно тому, кто на деревяшке. С японской войны ещё носит её дед, осталась правая нога под Порт-Артуром.

Усевшись в тени развесистой ивы, у самого края воды, рыболлов долго не разматывает удочки, отдыхает, осматри-

вается. Эх, хорошо! На том берегу — лес дремучий встал над рекой, любитесь на своё отражение. А на этом берегу, сразу за кустами, — привольные заливные луга, десятки людей трудятся на них, что есть силы. Ценная для сенокоса погодка, ну как тут без дела сидеть?

Дед тихонько вздыхает. Куда пойдёшь с деревяшкой? Вязнет она между кочек на сыром лугу, путается в сене. Сколько маяты Егор Иваныч с нею принял, когда единолично жил, — ну кто тебе на сенокосе поможет! Каждому тогда только до себя было. Свет увидел Егор Иваныч в колхозе. Работа по плечу нашлась. Конюхом сколько лет трудился, и лошадки у него были — загляденье. Любой воз с места без кнута брали. Ну, а теперь пришлось по старости лет косы отбивать. И то дело. Хорошая коса — силу косарю придаёт. Недаром Егору Иванычу говорят:

— С твоей косой — две нормы шутя выполнить можно! Значит, не зря живёт старик...

Чуть покачиваются поплавки на воде, сверкающей под солнцем. А Егор Иваныч думает уже о другом:

«В такую жару не надо бы далеко от дома на рыбалку идти — окуней сразу же за деревней наудить можно. Да вот — вчера от дочки телеграмма пришла, едет Анна Егоровна в отпуск и с мужем, внука и внучку везут. Анна Егоровна — врач и муж у неё врач, а ведь оба — крестьянские дети. Зять-то — костромской, не смотри, что в очках, а косить в прошлом году в колхозе начал — немногие за ним угнались. Ну, как не посидеть под ивовым кустом, не добыть чёрного леща гостям на рыбник?»

Поплавок вздрагивает и ныряет. Вздрагивает от неожиданности и Егор Иваныч, но рука его сама подсекает рыбу, и прежде, чем она вытащена, старик уже знает, что на крючке — окунь.

— Вас-то и за деревней вдоволь, — ворчит Егор Иваныч, с досадой швыряя добычу в котомку. — Нет, мне сегодня нужен лещ.

Время идёт себе да идёт. Скоро полдень, и клёв прекратится часа на три, до спада жары. Егор Иваныч уже

начинает сердиться. Но именно теперь, когда махнуть бы рукой на рыбалку и под кустиком до вечера подремать, один из поплавков начинает покачиваться, а затем косо идёт в воду, к середине реки. Леса со звоном натягивается — лещ!

Дальше всё идёт, как по-писанному, — не первого леща добывает Егор Иваныч. Крупная черноспинная рыбина расхлёстывает воду, и вода вокруг неё бурлит. Но где уж лещу бороться с человеком, и скоро ложится он пластом а секунд через пять оказывается в сачке и на берегу.

— Хорош, хорош! — бормочет Егор Иваныч, дрожащими руками отцепляя крючок от губы рыбины. — Хорош! Кило два с лишним потянет, если не все три. Пирог добрый!

Дело сделано. Егор Иваныч начинает подрёмывать. Очнулся он от шороха в зарослях ивняка.

Бригадир Василий Васильевич устало бредёт к реке. Словно не видя рыбака, присаживается он у воды, жадно пьёт, долго с наслаждением умывается, и лицо его, запечённое зноем, становится огненно-красным.

— Это ты, дед! — удивляется он, заметив Егора Иваныча. — Ну, рыбная тебе вода! Как добыча?

— Есть немножко, — скромничает Егор Иваныч, кивая головой на сумку, откуда торчит рыбий хвост. — Одного поддел. Завтра дочке и зятю на пирог.

Бригадир рассматривает леща.

— Здоровый!.. Чёрный!.. Ах, простояла бы такая погода с недельку — до травинки бы мы всё подобрали. Сено-то — словно чай!

— Сколько времени, не знаешь? — осведомляется Егор Иваныч.

Бригадир вынимает из кармана серебряные часы.

— Одиннадцать, минута в минуту. Сейчас в село подводу пошлю за обедом для колхозников.

— Почему ж сразу еды не взяли, или бы здесь сварить? Ведь подводу и двух человек от дела отрывать надо.

— Знаю, да утром торопились. Чаю, сахару да хлеба

прихватили, а остальное не пришлось. Да и кладовщика на ту пору не было, в третью бригаду он уходил.

— Котёл-то для варки и ложки с собой?

— Это всё уже с неделю в шалаше бережётся, каждый день варим. Только сегодня срыв получился. Ну, иди, ещё стог сметать да и перерыв на обед сделаем.

— Ты погоди минутку, — говорит Егор Иваныч, опять набивая трубку. — Возьми-ка ты вот этого леща да и окуней, тут их с десятков. Вари уху колхозникам. Знатная уха будет, — лещ-то чёрный, жирный...

— Это хорошо. Да ведь ты леща-то себе... Как же так? А рыбник гостям?

— Хм! Гости! До вечера здесь посижу, может ещё леща добуду. А и не добуду — не велика печаль, гости и окупёвой ухи поедят. Рыба не плохая. Да и не осудят они — простые люди, как и мы. Бери леща-то, бери!

— Ну, спасибо. Сварим — тебя крикнем, иди обедать. Да может пару граблишек исправишь, — надо бы!

— А чего до сей поры молчал? Пойдём уж вместе.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Собрание кончилось, когда по дворам стали хрипло перекликаться вторые петухи. С говором, смехом выходили колхозники из прокуренной жаркой избы на улицу, всей грудью жадно вдыхали морозный воздух. Скрипел снег под ногами, вспыхивали огоньки папирос.

Морозило крепко, но всё же и в мерцанье звёзд, и в петушиной переключке, и в самом, каком-то особенно лёгком, воздухе чувствовалось веянье недалёкой уже весны.

Кто-то заиграл на гармонии, и сразу же в лад игре зазвенели девичьи голоса.

Никанор и Симаков вместе пошли домой. Давнишняя была у них дружба, с детства. Вместе гуляли, в один год женились, вместе и на фронт уходили. А воевать рядом не пришлось. Никанор всю войну провёл в Заполярье, потом на Дальнем Востоке, а Симакову довелось под Сталинградом фашистов бить, Украину от них очищать, а потом со своим полком Будапешт освобождать. После войны, вернувшись в родной колхоз, друзья опять своим прежним делом занялись: Никанор колхозную конюшню принял, Симаков — кузницу.

За селом оба остановились покурить. За полем виднелись огоньки деревни.

— Ты взгляни-ка на небо! А? Какая красота! — сказал Симаков.

— Вот это да! — воскликнул Никанор, поднимая голову.

Зыбкая, призрачно-зелёная дуга северного сияния привольно раскинулась над снежными просторами полей, над хмурым поясом лесов за ними. Дуга эта, словно живая, беззвучно колебалась, вздрагивала. Из неё то и дело отрывались, взлетали полотнища голубовато-зелёного холодного огня и потухали в чёрной вышине. Казалось, там, на севере, полыхает какой-то странный пожар — беззвучный и холодный.

— Это, знаешь, вроде как на фронте «катюши» бьют. Только у тех пламя красное, — заметил Симаков.

— Там красота военная была, а здесь мирная, — ответил Никанор. — А пойдём-ка, друг. Мороз не велик да стоять не велит. Когда я на крайнем севере был, и не такие сиянья видывал: разными огнями, на полнеба.

— А я так и поотвык от этого, — вздохнул Симаков. — Сам подумай — четыре года на юге провёл. Неплохо там, слов нет, да только я всё по своим ёлкам тосковал. Вон на Карпатских горах ёлки такие же, как и наши, а всё не то. Наши милее, роднее. Я вот домой возвращался, к своим местам подъезжал — поверь, чуть не заплакал от радости, когда первые берёзки за вагонным окном увидал. Так бы им и поклонился...

— Хорошее, говорят, место — Украина? — спросил Никанор. — Я всё мечтаю — уехать бы туда на жительство.

— На Украину? — удивился Симаков. — Вот уж не поехал бы. Верно, места неплохие и на Украине, а только я здесь родился, здесь и миру пригодился. Да ведь и у нас не хуже Украины.

— У нас не хуже? — в свою очередь удивился Никанор. — А чего у нас хорошего? Песок да глина, лес да болото.

— Зря, зря ты наши места хаешь! Не ждал я от тебя этого, нет! Да ведь мы и здесь не хуже, чем на Украине, жить можем, только руки к делу с умом приложи. Не хуже Украины наши места! А ты говоришь!

— Как это — не хуже?

— А вот, скажем, пшеница. Лет тридцать тому назад, вернее — до революции, мы не знали, как она и растёт. А теперь? Растёт да ещё как. Стопудовые урожаи получаем, не хуже украинских. И на Украине хлеб самосевом не растёт, потрудиться надо. Ну, а если у нас пшеница есть — строй вальцовую мельницу — вот тебе и белая мука-крупчатка. Пеки пироги, булки, крендели. От кого всё это зависит? От нас и только от нас с тобой. А ты говоришь...

— Ну, ладно. Это о пшенице. А остальное?

— А что остальное? Табак и у нас растёт не хуже, чем на Украине. Это верно? Верно! Только мы им занимаемся мало. Или сахарная свёкла — ведь за последние годы её в каждом огороде у нас видишь. Растёт замечательно. Мне агроном Николай Александрович рассказывал, что в свёкле, которую мы теперь выращивать начали, сахару на два процента больше, чем в той, что на Украине растёт. Да ещё надо сказать — на Украине жучок какой-то есть, долгоносиком его, кажется, зовут. Вредит он там сахарной свёкле. А наш климат долгоносику не нравится, этого жучка нет на нашей свёкле.

— Позволь. У нас просо не растёт, гречиха, кукуруза...

— Опять неправда. Вон в Вашкинском районе, а он на северном берегу Белого озера, гречиху издавна сеяли и хорошие урожаи собирали. Правда, не во всех колхозах, в мунских только. А кто же мешает всем гречиху сеять, хотя бы и в нашем колхозе? Теперь насчёт проса. Ещё до войны я сам читал в газете о том, что опыты с просом под Вологодой делали. Так из шести сортов проса два не дозрели...

— Ну, вот видишь!

— Обожди, не перебивай. Два сорта, говорю, не до-

зрели, два созрели, а два перезрели! Понятно? И урожай дали прекрасный, помнится, центнеров тридцать с гектара. Ведь надо только взяться да самим попробовать на опыте, чем гадать да разгадывать. Вот о кукурузе ничего не скажу, но, думаю, и до неё черёд в своё время дойдёт. Её сейчас уже в Белоруссии выращивать стали, подберут учёные такой сорт кукурузы или новый выведут, что и в наших местах она во всю расти будет.

— Ну, вто, как говорится, ладно. А яблоки, груши, вишни?..

— А кто тебе сказал, что они у нас расти не будут? Откуда ты это взял? Далеко ли от нас Белозерск, а там у многих в садах и яблони хорошие есть, и вишни плоды дают. Не умеем мы ещё здесь за дело, порой, как следует взяться. Посадим яблоневого семечко да и забудем о нём. Ну, и вырастает не яблоневое дерево, а какой-то кустик, и не сладкие яблочки на нём, а горькая кислуха — один раз такое яблоко куснёшь, десять раз взвизгнешь. Прививать яблони надо, ухаживать за ними, учиться этому делу. Ты, друг, такую вещь учти: у нас весной и летом ночи почти нет, света много. Вот это и заменяет нам украинское тепло, а растению свет нужен. Значит, многое у нас такое вырастет, что и на Украине растёт. Да ты, может быть, ещё и винограду запросишь? Так он тоже не по всей Украине растёт. Зато леса-то у нас какие! А в лесах, не говорю уже о зверях, о птице, грибов-то сколько всяких, ягод!

— Нашёл добра!

— Конечно, добро! Мы ещё не берём из леса и сотой части того, что от него взять можно.

— Я в Москве в тридцать девятом был на сельскохозяйственной выставке. Видел там свиней с Украины. Пудов по тридцати...

— Удивляюсь я тебе, Никанор. Человек грамотный, газеты читаешь, а верно о Люсковой не знаешь, о нашей вологодской колхознице. Таких знатоков дела во всём мире нет, как она. За свиноводство Героём Социалистиче-

ского Труда стала. Так при чём тут одна тридцатипудовая свинья, когда Люскова от одной свиноматки за год по две тонны получает приплода? Вот тебе и тридцать пудов!

— Это верно!

— Значит, согласен? Лодырю, брат, и на Украине плохо, работать и там надо. А ты приглядишься получше, да развернись в работе — ничем наш север Украине не уступит. Ни в чём! А теперь ещё больше силы нам дано — колхозы крупными стали, богаче. Я и то сегодня под шумок председателю нашего колхоза заявил: «Хватит с меня кузницы, хочу на другую работу...».

— На другую работу? Это куда?

— Давай, говорю, колхозный сад закладывать, колхозный огород да не с брюквой только и с капусткой, а со всякими овощами.

— А кто же в кузнице?

— У меня молотобоец Ваня не хуже моего дело теперь знает. Ну, да ведь и я не за горами буду. Нас теперь, кузнецов, из пяти-то маленьких колхозов пятеро собралось. Надо одну кузницу строить, какую полагается крупному колхозу, со станками, а не мышью нору, как было. Вот моя должность и освободится.

— Что же председатель ответил?

— «Подумаем», говорит. Ну, да я на своём настою. Нужное это дело колхозу, доходное, — хороший сад. Этому учиться на Украине надо!

— По-твоему выходит, и мне из конюхов надо на другое место переходить?

— Это ни к чему. Ты своё дело знаешь, любишь, да и мало вас, конюхов.

— Верно, лошадей люблю. Уж скажу, не хвастая, мои кони, что львы!

Они вошли в свою деревню. И, закуривая на прощанье, опять посмотрели на небо. Северное сияние на нём снигло, почти померкло, но вдруг ещё побédнее, ещё ярче запылало над заснежённой землёй. Словно литые из чугуна, высились на фоне зеленоватого пламени угрюмые ели на

горушке за рекой. Ещё несколько мгновений — и сияние погасло.

— Последнее, наверно, нынче зимой, — сказал Симаков.

— Должно быть, так, — согласился Никанор. — Устоялась в этом году зима, зато видно по всему — весна дружной будет. Сев в одночасье провести придётся.

— Ну, у меня все ремонтные работы закончены, — заметил Симаков, всё ещё вглядываясь в небо — не загорится ли опять северное сияние. — Вот такую красоту, — сказал он, — на Украине не увидишь.

— Украина, Украина! — недовольно передразнил его Никанор. — О ней и разговору не было. Пойду-ка на конюшню, проверю, всё ли в порядке. — И он зашагал к дальнему концу деревни...

ДРУЗЬЯ

Лучковка почти беззвучно врезается в бурый чешуйчатый ствол ели. Равномерны и споры движения рук лесоруба. «Ещё, ещё, ещё!» — словно выговаривает пила, и вот дерево начинает вздрагивать, ронять комья снега. «Ещё, ещё, ещё!» — поёт пила. Ель вздрагивает всё чаще, медленно кренится, кренится... Лесоруб отбрасывает пилу, отступает в сторону... Свистит морозный воздух в еловых ветвях. Глухой гул падения, взвивается снежный столб и разноцветными искрами вспыхивает в лучах низкого солнца.

— Которую сегодня валишь? — слышится голос из лесной чащи.

— Десятую, — отвечает лесоруб, не оглядываясь. По голосу он узнаёт того, кто к нему идёт, и неторопливо достаёт из кармана кисет с табаком.

— К перекуру, Николай!

Подходит человек, такой же коренастый крепыш, как и лесоруб. Они похожи один на другого и складом, и речью, и даже одеждой. На обоих — короткие ватники-фуфайки, серые шапки-ушанки.

Лесоруб осторожно приставляет пилу ко пню. Николай — тоже бережно — прислоняет к стволу ели своё немудрёное охотничье ружьишко.

День тих, ясен. И не подумаешь, что вот в этом тихом лесу сейчас работают десятки людей. Но прислушайся: вот позванивает топор, вот глухо ухнуло подпиленное дерево.

Рыженькая лайка выбегает на поляну, озабоченно разбирается в следах и трётся у ног хозяина.

— Ну, а ты сегодня сколько добыл? — спрашивает лесоруб.

— Семь белок снял.

Они курят молча. К чему лишние разговоры? Они и без слов понимают друг друга, два однодеревенца, два ровесника, два дружка-фронтовика.

— Так в одиночку, без звена, до сих пор и работаешь? — спрашивает охотник.

— В одиночку! — сердито бросает окурок лесоруб и, подняв пилу, начинает рассматривать её зубья. — То обидно, что поздно колхоз меня в лес направил. Тут все уже по звеньям разбились. Вот я и остался одиночкой. Да это одно дело — норму я выгоняю. А вот... — И он замолкает.

— Чего ещё?

— Да так...

— Говори, чего там.

Лесоруб сердито отбрасывает пилу.

— Вот она, зубастая! Хороша, сказать нечего! А на других участках — электропилы! Нам не дают — отдалённый угол, вот что! Здесь только одни сезонники. И древостой, говорят, редкий. Ну, что ж! Я бы электропилу освоил — переводи меня на другой участок. Я бы дал нормочку! Неужель я электропилу не изучу? Ну, нет! Ведь на фронте три года башнером в танке был, в технике разбираюсь...

— Заявлял мастеру об этом?

— А как же! Не раз говорил. Один ответ — ты, мол, сезонник. Да черт с ним, что сезонник! Ну, лето, осень в колхозе проработаю, а зимой сюда же вернусь. На то пошло — любого кадрового обставлю. А вот тут в одиночку скобли пилой. Это вот тебе хорошо в одиночку белок бить.

— Нет, и я не один. Нас двое. — И охотник ласково кладёт на голову собаки свою левую руку, искалеченную осколком мины. — В одиночку и я бы пустым домой ворочался.

— Вот ты и вышел — собачий бригадир, — усмехается лесоруб. — А мне в одиночку не на догадку да на технику надеяться приходится, а только на свою силу. Ладно, что она у меня ещё есть.

— Насчёт твоей силёнки — знаю...

— Ну, ладно, — лесоруб берётся за топор. — Ты семь добыл, договор выполняешь. А я за разговором и нормы сегодня не вытяну.

Охотник берёт топор из руки лесоруба:

— Дай-ка его сюда, Ваня. И одной рукой управлюсь, помогу тебе сучья обрубать. А ты пили. Потом вместе брёвна окучим.

Проходит час-другой. То там, то здесь над лесом поднимаются к белёсому зимнему небу ленивые столбы дыма, — это на делянках жгут порубочные остатки. Развёл костёр и охотник.

— Иди, Ваня, чай пить, — зовёт он лесоруба.

Пьют по очереди из одной выдавшей виды помятой кружки. Лесоруб спокоен — видно, что доволен сегодняшней своей работой.

— Ну, я пошёл, — говорит охотник, завязав свою сумку и берясь за ружьё. — Ночевать к вам в барак приду, не стидит сегодня домой пробираться. Завтра погодка самая охотничья. Надо до снегопадов справиться, а то потом и мне и собаке трудно будет.

— Стану ждать. Спасибо за подмогу!

— На этом не отъедешь. Ты мне вечером белок опшкурай.

— Ну, ну! Приходи. Сегодня газеты свежие будут, прочитаем...

★ ★ ★

Ночью было звёздно, морозно. А к утру погода смякла, посерела, напоззли тучи; лениво догоняя друг друга, запорхали редкие снежинки. Совсем глухо и тихо стало в лесу.

Свалив десяток елей, Иван, как и всегда, скинул ватник и снова взялся за топор.

Николай сегодня не пришёл, не приходил он и вчера. Ну, что ж! Не обязан же человек каждый день дружка навещать, ему помогать. И своё дело у него есть. А всё-таки немного обидно; рад был, когда вот здесь на пеньке сидел старый друг, рассказывал что-нибудь.

Стукнул где-то в еловой чаще выстрел, потом второй...

— А, идёт! — усмехнулся лесоруб.

Действительно, скоро на делянке показалась рыженькая лайка, а за ней и хозяин.

— В кого палил? — спросил лесоруб, не прекращая работы. — В сук или в тетерю?

— Ни в сук, ни в тетерю. Куницу добыл. Хороша! Первым сортом пойдёт. Теперь у меня договор выполнен, сверх него добывать буду.

— Твоё дело не плохо.

— Да. По времени — пора чай кипятить. У меня сегодня белый хлеб есть, конфеток в магазине прихватил, «Казбеку» коробку.

— Богато живёшь! Ну, разводи огонёк. А никак сюда мастер идёт? Он самый.

— Успех в работе! — приветствовал лесоруба мастер. — Ой, достаётся мне ходьбы! Пока всех на делянке обойдёшь — и вечер. — Э, да вы чаёк греете? Ну, и на меня кружечку...

— Семён Григорьевич, — спросил лесоруб, — новых сезонников не подошло ли за это время? Мне бы звено сколотить...

— Есть трое из вашего же колхоза. Да тебе теперь не о звене надо говорить. Приказ есть из главной конторы — тебя к электропильщикам на Берёзовый Бор отправить. Учись работать электропилой...

— Но? Как же там догадались? Ведь я сезонник!

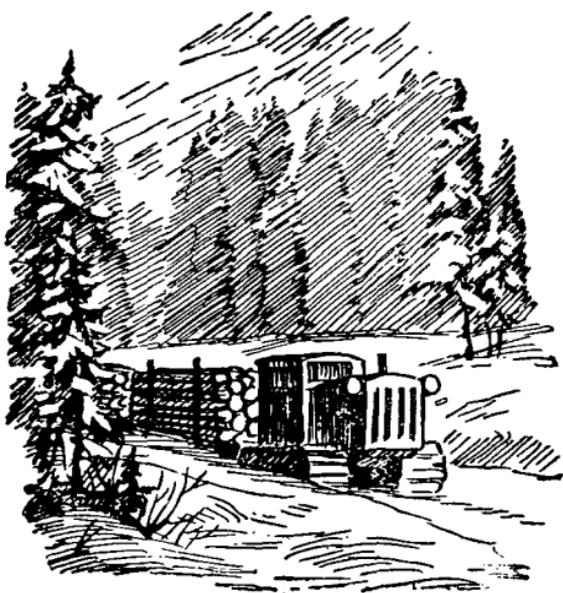
— Догадались, — ответил мастер, прикуривая у костра и кашляя от дыма. — Догадались...

А когда охотник отошёл в сторону за сухими дровами, мастер вполголоса сказал:

— Это дружок твой, Николай Петрович, добился, чтобы тебе в электропильщиках быть. В контору леспромхоза ходил, с директором беседовал, потом с секретарём парторганизации. Своего достиг...

Лесоруб долго смотрел на мастера:

— Понятно! Ну — спасибо ему!..

ОБЩЕЕ ДЕЛО

От порывов февральской вьюги в оконной раме звонко дребезжало стекло. «Плохо осенью рамы промазали»,—думал начальник сплавной конторы Кузнецов, морщась от дребезжания, как от зубной боли. Сквозь шум ветра слышался звон колокольчиков—кто-то подъехал к крыльцу.

— Кому бы это быть? — пробормотал начальник, подходя к окну—А! Костя Селиверстов! Давно не видал его. Хотя, нет, — на прошлом пленуме встречались.

Приезжий, не торопясь привязал и разнуздал лошадь, подбросил сена, снял с себя тулуп и накрыл им её спину.

— Дома? — слышался басок Селиверстова. — Ну, то-то, а я боялся, что не застану.

Страхивая капли тающего снега с курчавой бородки, Селиверстов опустился на скрипнувший под ним стул.

— А в тебе, дружок, весу не убывает, — улыбнулся начальник.

— Зачем ему убывать. У меня не купеческий жир, а трудовое тело. Весь день на воздухе, аппетит не комариный, еды вдоволь. А вот ты как будто бы пожелтел. Известное дело — канцелярия...

— Но-но — без смешков! Мне эта канцелярия вроде карцера. Весны не могу дожидаться! Завтра, впрочем, еду по сплавым участкам — надо проверить, как они к навигации готовятся.

— А я вот к тебе по делу. Давно хотел завернуть, да других забот было достаточно. Ну, а тут на попутье.

— Ночевать у меня будешь. Больше ни к кому...

— Это смотря по времени. Надо бы сегодня домой попасть.

— Оставайся, оставайся! Один вечер и без тебя в колхозе обойдутся.

У начальника с Селиверстовым давнее было знакомство. И особо окрепло оно, дружбой стало под Севастополем, где Селиверстов — старшина морской пехоты и Кузнецов — теперь начальник сплавной конторы, а тогда лейтенант, командир пехотной роты, плечо с плечом, рядом отстаивали город-герой от фашистских орд. Но после войны, у себя в районе, им, действительно, встречаться приходилось редко, разве только на пленумах, совещаниях. Селиверстов после демобилизации работал инструктором сельхозотдела, а совсем недавно его избрали председателем укрупнённого колхоза.

— Шесть часов, — сказал Кузнецов, прислушиваясь к нарастающему говору в конторе.

— Работу служащие кончают? — осведомился Селиверстов.

— Наоборот, — усмехнулся Кузнецов. — Самая работа у нас начинается. Рабочие с реки пришли — запани теперь готовят, зимнюю сплотку ведут, топляк из-под льда добывают. Да сам ты знаешь, работал ведь смолоду и на сплаве. Ну, вот, по разным делам и набивается народу полная контора. А летом в конторе пусто — все на берегу... Сейчас ко мне мастера с рапортчиками придут. Ты иди ко мне на квартиру, отдохни, я тут скоренько управлюсь...

— Нет уж, разреши здесь посидеть. Я не помешаю. Моё дело может и мастеров заинтересует.

— Да, кстати, какое у тебя ко мне дело?

Но в это время в дверь постучались. Это был мастер с красным обветренным лицом. Селиверстов, чтобы не мешать разговору, подошёл к окну и смотрел на дымные космы метели, стегавшие по стеклу всё яростней и ожесточённей.

— Что ж это такое, Николай Иванович? — возбуждённо заговорил мастер. — Ежели нынче столько снега пало, так весной воды не оберёшься. Надо, пока есть время, на пятой плотине запасные крепления ставить...

Вошли ещё два мастера. Начался разговор интересный для всех, только Селиверстов, словно сучая, шагал от окна к печке и обратно. Но вдруг всех удивил его неожиданный вопрос:

— А по каким рекам и речкам вы нынче сплав поведёте?

— Как по каким? — краснолицый мастер сердито глянул на Селиверстова поверх своих перевязанных ниточкой очков. — По тем же, что и в прошлом году.

— О Щучьем ручье не думали?

— То-есть как это — о Щучьем ручье? — мастер от удивления даже очки снял. — Не тот ли, что в нашу реку у Галахова впадает?

— Он самый.

— Нашёл тоже сплавной путь!

Селиверстов, не торопясь, как и всё он делал, достал из своего потрёпанного портфеля большой лист бумаги — самодельную карту.

— Зря ты, мастер, удивляешься, — сказал он. — Николай Иванович, — повернулся он к начальнику, — ты Ваню Егорова помнишь?

— Ну, как не помнить! Вместе росли и учились. Он ведь под Курском погиб.

— Точно. Хороший был человек! Вот я от его имени и говорю. Это карта его работы. Он перед войной лесорубом-кадровиком работал. Тогда же он Щучий ручей от Соколиного озера и до истока прошёл, осмотрел его. А ручей этот идёт как раз там, где нынче нашему леспромхозу отведе-

ны делянки. Вozить лес надо за девять километров к реке. Выгодно ли это? Ваня Егоров уже тогда знал, что тут будут заготавливать древесину, и мечтал использовать для сплава Щучий ручей. Сплавать по нему лес вполне возможно даже при средней воде. Конечно, кое-где лесные завалы разобрать, — это теперь, до навигации надо сделать. Заградительные боны тоже нужны — вот здесь, — показывал он на карте. — Всего-то надо метров пятьсот или немногим больше. И подавай лес на багор. Слов нет, сейчас для вас это лишняя работа, зато весной вы около пятидесяти тысяч кубометров леса на десять километров ниже на реке встретите, на главной магистрали. Это и для вас выгода и для леспромхоза. Ежели склады на Щучьем ручье устроить, так, поймите сами, возить лес придётся не за девять, а за полтора-два километра. Всем, говорю, выгода, значит — государству.

— Н-да, — сказал краснолицый мастер, опять осёдывая нос очками и придвигаясь к карте поближе. — Предложение интересное. А не обсохнем мы там с древесиной? Не скатится там вода за три дня?

— Речка лесная, не горная, воды в ней всегда полно. Но, повторяю: надо её в порядок привести.

— Светлая голова была у Вани Егорова, — вздохнул начальник и потянул карту к себе поближе. — Давайте-ка ещё раз посмотрим. Надо будет с директором леспромхоза потолковать...

— Я уже за тебя это сделал, — рассмеялся Селиверстов. — Он обеими руками схватился за это дело. Двадцать рабочих, говорит, отправлю на реке завалы разбирать, два трактора дам, если расстояние вывозки сократится. Ну, а боны — вам делать. Секретарю райкома вчера об этом я тоже докладывал — и он за меня.

— Везде успел! — засмеялись мастера...

Через час, когда было окончательно решено взяться за Щучий ручей, начальник и Селиверстов вышли из конторы. Метель стихала, в прорывах облаков робко мерцали звёздочки.

— Метель — весне сигнал, — сказал Селиверстов, снимая с лошади тулуп. — Скоро-скоро с крыш закаплет. Садись, начальник, подвезу тебя до самой квартиры.

— Государственный ты человек, — пошутил начальник, вваливаясь в сани. — Колхоз — колхозом, а и на другое времени хватает.

— Насчёт Щучьего ручья у меня... колхозный интерес, — сказал Селиверстов. — Вы ручей расчистите, сплав по нему поведёте, а мы...

Колокольчики залились во всю — Селиверстов сдерживал на вожжах бойкого меринка. Когда тот перешёл на шаг, Селиверстов продолжал:

— ... а мы, колхозники, тоже свой интерес получим. Луга у нас заболочены вдоль Щучьего ручья. Гектаров, этак, сотни полторы, если не больше. Пока мелкие колхозы ими владели — не до мелиорации было. Поросли луга кустами, заболотились. А вот когда вы ручей в порядок приведёте, ход воде дадите — и мы тут как тут. Кустики — под топор, канав нароем, лишняя водичка на лугах нам ни к чему, а вам в ручье она понадобится. И у нас покосу прибудет...

Начальник весело свистнул:

— Не зря тебя председателем колхоза избрали! Умешь вперёд смотреть! Хозяин ты, дорогой друг!

— Ну, что ж, — ответил Селиверстов. — Я в своём государстве — всему хозяин. Как же о деле не заботиться?

В ПИКЕТЕ

Однообразный, то стихающий, то нарастающий шум воды в пороге, назойливое скрипение дергача, посвистывание какой-то птички в прибрежных кустах — всё это нагоняет сладкую полудремоту. Белая ночь полна звуками, шорохами, потрескиванием сучьев в лесу.

В сплавно́м пикете спать не полагается. И хоть дела сейчас нет, но сплавщики, покуривая у костра, зорко посматривают на реку — не случилось бы залома. Из-за крутого поворота речного берега, где глухо ворчит порог, плывут, плывут и плывут брёвна, их обгоняют хлопья пены — сердит порог, кипит в нём тёмная речная вода...

Пикетчиков трое: сивоусый старик, пожилой дядя в широком ватнике и резиновых сапогах с отворотами и молодой — он читает какую-то книгу, недовольно морщась на неровный свет костра.

— Что читаешь, Миша? — спрашивает старик.

— Учебник истории,—отвечает молодой и отодвигается от огня, так бешено загудело в костре весёлое пламя.

— Историю? А других книг у тебя нет, повеселее, вроде сказок?

— Нет. Торопился я, в красный уголок забежать было некогда. Ну, и взял свой учебник с окна.

— Ну, так почитай нам хоть из истории.

— Только я из середины, где сам читаю.

— Давай из середины. Послушаем.

Придвинувшись опять поближе к костру, пламя которого внезапно сникло, Миша читает:

«В 1819 году произошло крупное восстание военных поселенцев в Чугуеве на Украине. Поселенцев поддерживали соседние крестьяне. Восстание перебросилось в Таганрог и приняло широкие размеры. Против восставших чугуевских поселенцев были посланы два батальона пехоты и артиллерия. «Бунтовщики» были преданы военному суду. На суд приехал сам Аракчеев. Он велел наказать шпицрутенами 40 зачинщиков, дав им по десяти тысяч ударов. Большая часть погибла под палками...».

— Т-а-а-к! — задумчиво говорит старик. — Про этого Аракчеева не только в книгах написано. До сей поры его кое-где помнят, лютого зверя. Да вот, — оживает он, — приходилось мне в молодости на реке Волхове плоты гонять. Плывём мы мимо села Грузина, в нём Аракчеев в старые годы проживал, вотчина это его была. Да. Плывём, мне другие сплавщики и рассказывают, что был тут при Аракчеве перевоз, паром, значит, и канат с берега на берег протянут. Если заденет сплавщик этот канат своей гонкой хоть самую малость — сейчас выезжает с берега лодка с аракчевскими палачами, раскладывают сплавщика на плоту и порют до полусмерти. И поговорка такая была: «Не бойся молнии и грому—бойся грузинского перевоза!»...

— Гляди, гляди! — перебивает его Миша, — опять поперёк тех двух камней бревно положило. Сейчас залом будет.

Все вскакивают. Миша бережно кладёт книгу на сухой

пенёк подальше от огня, старик выколачивает о багровище свою трубку.

— Ты, Степан, оставайся здесь, — говорит он пожилому, — тебе после болезни лучше у огонька посидеть.

— Чего там после болезни, — отвечает тот недовольно. — Пятый день как бюллетень отдал. Надо же и работать!

— Сиди, говорю, здесь. Может по телефону позвонят. А там и двоим делать нечего.

И старик начинает осторожно спускаться по крутому откосу берега к лодке. За ним так же осторожно, чтобы не поскользнуться на траве, сырой от росы, спускается и Миша.

Степан остаётся на берегу. Ему видно, как лодку сносит течением, как напористо и сильно гребёт Миша, перебивая речную струю. Старик с багром в руках стоит на носу лодки и не качётся — привычна ему работа на родной реке.

А у двух камней, что высовываются из воды почти на самой середине реки, уже не одно бревно, а десятки. Сверху плывут всё новые и новые, глухо стучат они о груды затора и останавливаются. Оставь это так на полчаса — три дня залом не разберёшь.

Но лодка уже у места. Оттащить «ключевое» бревно, то, что первым легло поперёк затора, уже нельзя — оно плотно прижато к камням другими брёвнами.

В руках старика сверкает топор. Несколько ударов — и «ключевое» бревно ломается, как сухая тростинка. Поднятые набежавшей волной остальные брёвна сначала медленно, потом всё быстрее проносятся мимо камней.

Лодку вместе с брёвнами снесло далеко вниз. Но люди в лодке не новички в своём деле. Умело орудуют они вёслами и багром, и Степан видит, что теперь беспокоиться нечего — скоро они вернутся к огню.

Чуть слышен слабый писк полевого телефона. Степан на четвереньках лезет в шалаш из хвои — там надёжно укрыт от дождя телефон. Две светложёлтые ниточки кабеля

тянутся от шалаша вправо и влево — к головной конторе, к другим пикетам.

— Пятый пикет отвечает, — слышен из шалаша Степанов голос. — Да, всё в порядке. Кладёт время от времени брёвнышки, да ведь мы не спим. Что? Погромче! Да, да! Всего хорошего!

Через несколько минут все опять собираются у огня. Старик и Миша греют руки, с наслаждением курят.

— Года три тому назад, — кричит старик, нагибаясь, доставая уголёк из костра, — года три, говорю, подрывники у нас на реке славно поработали. Сколько они этого зловредного камня убрали, сколько сплав облегчили! А вот до этих очередь, видно, не дошла. Приедут ли подрывники нонче? Не слышали?

— Вряд ли, — отвечает Степан. — Сам знаешь, в трёх километрах ниже колхозную электростанцию нынче станут строить. Поднимется вода, накроет камни да и пороги.

— Нет, не накроет, — возражает Миша. — Как воду ни поднимут, а сюда она не подойдёт. Уклон падения реки большой. Я техника спрашивал. А подрывники по другой причине не приедут...

— По какой же?

— На Волге они теперь, я так полагаю, работают. Там огромная стройка идёт. Вот после той работы они и к нам заявятся.

— А может ещё на каких других реках стройки будут? — спрашивает старик.

— Ну, конечно! Теперь наша страна любую стройку осилит.

— Да! Великое дело! Значит, и наш лесок на Волгу идёт?

— Туда. Не весь, конечно, а большая часть. Надо же и другим стройкам вологодского леса дать. И в Крым, и в Сталинград, и в Среднюю Азию. Без нашего леса ни одна стройка не обойдётся.

— Везде наш лес нужен! — гордо подтверждает старик.

Почти совсем рассвело. Заалели края облаков, в кустах

громче завозились, запересвистывались птицы. Потянул ветерок, словно отнёс куда-то шум порога, но снова запутался в елях, притих, и опять порог заговорил басовито и важно.

— Перевезите! — закричали с того берега.

— Петя идёт, наш красноуголец! — обрадовался Миша. — Сейчас я его перевезу.

Красноуголец оказался коренастым веснушчатым пареньком. За плечами его был плотно набитый чем-то старенький рюкзак, в руках — большой фанерный ящик.

— Мир вам, водяные! — шутливо приветствовал он сплавщиков. — Не спите, не дремлете? О чём речь ведёте?

— Насчёт водяных — сам такой же. На сплаве работаешь, — усмехнулся старик. — А вот как ты Осиновым болотом пробрался? Ведь там теперь воды, грязи!

— Надо же кому-то первым дорогу прокладывать, — возразил красноуголец и, присев у костра, стал разуваться. Из голенищ его сапог хлынула чёрная болотная вода. — Вишь, начерпал я достаточно. Зато на пять километров ближе. А я торопился.

— Зачем?

— Новую передвижку из библиотеки несую и баян с почты получил. Из Кириллова нам выслали, заказной. А тебе, Миша, у меня письмо есть.

— Давай его сюда!

— Терпенье! Вот разуюсь, стану просыхать и письмо получишь.

— Ну так разреши баян посмотреть, попробовать.

— Это можешь...

— Ты погоди с баяном-то, — вмешался Степан. — Петя, ты, наверно, вечером радио слушал? Ну, как там в Корее дела идут?

— Нелегко корейцам приходится, а выстоят против американцев!

— Выстоят! — твёрдо сказал старик. — Выстоят! — повторил он. — Товарищ Сталин как сказал, так и будет! За свою волю, за свои права борются корейцы, за свою землю. А такой народ всегда победит!

Новенький, сверкающий никелем, перламутром, вишневым лаком баян был уже в Мишиных руках. Он внимательно оглядел его, легонько пробежал ловкими пальцами по голосам, и вот зазвенела над росистыми берегами, навстречу утру лукаво-задорная «Дайте в руки мне гармонию!».

Слушали все молча, с серьёзными лицами, до тех пор, пока красноуголец не высушил портянки и не обулся.

— Хватит! — заявил он. — Клади, Миша, баян на место и получай письмо.

Опять запищал телефон, и Степан полез в шалаш.

Прочитав письмо, Миша засмеялся и потянулся с довольным видом.

— Осенью учиться еду! — заявил он.

— Куда? — в один голос спросили старик и Петя.

— В лесной техникум...

— Ребята! — крикнул Степан из шалаша: — На третьем пикете залом! Из головной конторы спрашивают: отстоим ли мы здесь и дневную смену, а то на третий люди нужны? Что отвечать?

— А чего и спрашивать, — сердито ответил старик. — Сплав — не шутка! Конечно, отстоим! Скажи им, что на нашем пикете и двое справятся, а один может на третий идти.

— Ладно. Ещё спрашивают — есть ли у нас еда и табак?

— Говори — всё есть...

— Так я, Ефим Ефимыч, пойду на третий? — поднялся Миша. Видно было, что сидеть на месте ему наскучило да и письмо обрадовало — хотелось двигаться, петь, всем рассказать о своём счастье.

— Иди! — согласился Ефим Ефимыч. — Там место трудное.

— А вот что, — сказал красноуголец. — Оставляю я у вас книги и пойду тоже на третий, раз там люди нужны. Багор там и мне найдётся. А баян с собой возьму.

Старик и Степан остались у костра. Всё слабей и слабей слышались звуки баяна и песня в два голоса.

Из-за мыса вылетела чайка, и крылья её озарились розовым огнём — ещё невидимое отсюда за лесом всходило солнце.

А по тёмной реке беззвучно, не обгоняя друг друга, неслись и неслись брёвна...

У ОГОНЬКА

У мостика, что сгорбился над речкой, под старой дуплистой берёзой — огонёк. У огонька люди, — здесь дорожный ночлег. Тут же, на недавно скошенном лугу, бродят, пасутся стреноженные кони, стоят накрытые брезентами возы.

Белая ночь туманна. Поскрипывает в ивовых зарослях над ленивой речонкой бессонный дергач, где-то в густой осоке тоненько посвистывают утята.

Тихо. Дым костра лениво поднимается к белёсому небу, к одинокой бледной звёздочке, отгоняя комариные пискливые стаи.

На траве у огонька — колхозники. Это их кони пасутся на луговине, это их возы стоят у дороги. Булькает, закипает над огнём огромный артельный чайник. Люди не спят, ждут чайку.

К костру подходит ещё несколько человек с котомками за плечами.

— Мир на стану!

— Милости просим в компанию. Садитесь к огоньку, места хватит, дров тоже не занимать.

— Да, пожалуй, покурить надо! Спать-то вроде и не стоит — до дому всего десяток километров остался. А по холодку идти любо.

— Откуда идёте?

— Откуда идём-то? — Спрашиваемый долго раскуривает трубку и, лишь усевшись на пенёк и отдышавшись, отвечает:

— С Ким-реки. Со сплава.

— Кончили сплав или домой на время?

— Кончили. Весь лесок в головной запани теперь. Кончили и расчёт получили.

— Но-о! А мы думали, вам до осени, до белых мух, на реке забот хватит. Крепко вы поработали. Этого ещё ни в один год не было, чтобы на Ким-реке сплав до уборочной закончили. Здорово! Молодцы сплавщики!

Человек с трубкой, сухощавый, смуглый, с чёрными «гусарскими» усами, усмехнулся.

— Это верно — до ледку нам дела бы хватило, ежели по-старому бы работать... А вот мы хорошо подумали, ладно придумали и того лучше сделали.

— Вроде как загадками ты говоришь. Не пойму я тебя что-то!

— А вот, погоди, покурю, закушу, как следует, — не близкая дорожка нами пройдена. А после того всё и расскажу от большой буквы до точки.

— Ну-ну, закусите на доброе здоровье. Кстати, и чайник вскипел, сейчас чай заварим. Кипятку на всех хватит. У нас чайник — всем чайникам начальник. Бригадный. Своя бригада напьётся и другой остаётся.

★ ★ ★

— Я сплавщик коренной. С детства к берегу привычен, за то и прозвали меня, в шутку, конечно, — Егор-багор.

Не только на своих реках лес сплавливал, но в Карелию хаживал, на порогах да падунах заломы разбираал. Нынче меня тоже колхоз на сплав направил, да вот их, троих молодых пареньков. Хоть и впервые они за багры взялись, а дело смекнули, прямо им в глаза говорю. Да!

— Ну, вот, пристали мы к работе на Ким-реке. Весна мынче, сам знаешь, какая была: по первоначально морозы стояли, а потом вдруг, в одночасье снег согнало, реки зашумели, дожди начались. Воды в реке! Давно такой не бывало! Да вот беда: как быстро вода пришла, так и ушла. И остались мы со своим сплавом, как раки на мели. Остались и горюем...

Верно, усердно мы на сплав налегли, минуты не теряли. А сила не берёт. Это не дело — с багра на багор брёвна передавать. Вода всё убывает. Мели, косы, а на каждой бревенные завалы. Оставь их на сутки неразобранными — значит на год, до следующей весны им лежать. Разве это дело?

Вот вечером приглашают нас, бригадиров, на совещание. Народу много собралось. Вопрос один: как сделать, чтобы за неделю весь сплав за пороги, на ровную воду подать.

Что ж! Мы, сплавщики, готовы хоть круглые сутки работать, только бы дело в срок сделать. Ведь наш лес на новостройках ждут. А людей мало. Оно при средней воде достаточно, а при мелкой, как ни считай, — мало. Тут я подумал и решил выступить.

«Положение, — говорю, — товарищи, ясное. Не за неделю — за три дня надо сплав свернуть, на косах ни одного бревна не оставить. Нас всего пятьдесят человек на этом берегу да на том столько же. А надо бы ещё сотенку рабочих. Где их взять? Сенокос начался. Колхозники заняты...».

«Это мы и без тебя знаем!».

«Не перебивай! А вот моё предложение — сходить к колхозникам с поклоном: выручайте нас, а мы вас выручим...».

«Это как же?».

«А так, — отвечаю. — Выйдут колхозники с баграми на три денька к нам, а затем мы, обе бригады, к ним. Приготовляйте лишь косы да грабли. Они нам три дня пореботают, и мы им три дня...».

Много не спорили. Подумали, поговорили и со мной согласились. Начальник сплава в один колхоз пошёл, секретарь парторганизации — в другой, я — в третий.

Прихожу. Солнце ещё не встало, а народ уже готовится на луга с косами выходить. Я председателя отыскал, объяснил ему дело. Сначала он было головой замотал, потом говорит:

«Что народ решит, на то и я соглашусь».

Народ мигом собрался. В чём дело — интересуются. Я шапку снял и к колхозникам с поклоном:

«Выручайте нас, а мы вас выручим. Взаимно друг другу поможем!».

Сначала поспорили колхозники между собой: одни говорят — можно помочь, другие на погоду оглядываются — не задержался бы сенокос.

Опять слово беру.

«Товарищи дорогие! — говорю. — Лес нашему государству очень нужен. Вот почему мы, сплавщики, не имеем права ни одного брёвна на мели оставлять. Ваши труды на поле тоже не менее наших Родине нужны. Вот давайте сделаем так, чтобы и то и другое в срок завершить. Понятно? За три дня мы сплавим лес, а потом всей компанией к вам. Приготовляйте косы, а мы вам покажем, что тоже можем косить. Ведь и мы колхозники. Ну, соглашайтесь, — у вас время ещё не ушло, а у нас на волоске висит...».

Уговорил. Часу не прошло — из деревни иду, а за мной человек сорок с баграми. Торчат багры к небу, что казацкие пики. А по тому берегу — Иван Никитич, партийный секретарь, тоже не меньше взвода ведёт...

За работу все взялись дружно. Между бригадами соревнование развернулось: кто первым к порогу подойдёт. До полудня столько сделали, сколько в другое время и на

неделю бы хватило. Тут нам горячий обед привезли. Пообедали, ложки в сторону — и опять за багры. Через полторы суток пороги прошли, а к концу второго дня весь наш лес на рейде был. Вот тебе и неделя! Ну, верно, — рубаха от поту не просыхала.

Отдохнули ночь, — и в колхозы. Там нам косы припасены. Что ж! Хвастать не стану, а показали, что косить умеем, колхозники довольны остались. А теперь мы по домам, по своим колхозам, там нас тоже косы ожидают...

* * *

Вечерняя заря перетекла через север, стала шириться, разгораться. Умолк коростель, зашумел предутренний ветерок в листьях старой берёзы. Догорел костёр, разошлись и разъехались ночлежники... И вот брызнуло по лугам, по лесам живое золото летнего солнца, засиял, загорелся новый радостный день.

ЛЕСНОЙ ХОЗЯИН

«Лесным хозяином» в стародавние времена лешего называли. Деды наши, по простоте душевной, считали, что у каждой рощи, у каждого перелеска свой «хозяин» быть должен. Впрочем, судя по рассказам тех же стариков, леший был хозяином никудышным, не мешал он купцам-лесопромышленникам губить вековые леса. А занимался «хозяин» больше озорством: ягодников да грибников пугал, а ежели случалось ему связаться с бывалым охотником, то всегда леший в дураках оставался.

Лесника с пятого кордона — Ивана Петровича Коптева — в шутку тоже «лесным хозяином» прозвали. Но хозяином он был настоящим, не чета сказочному лешему. Ни одного пожара, ни одной самовольной порубки в своём обходе не допустил, каждое дерево наперечёт знал.

В молодости Иван Петрович хватил-таки нужды и горя. С мальчишек и до первой мировой войны у кулаков батрачил. В войну стал солдатом и домой вернулся только после гражданской войны, с боевым орденом Красного Знамени на груди.

Хоть и вернулся Иван Петрович домой, да уж какой

там дом: избёнка его в селе впрах развалилась. Но не горевать — работать надо! Подвернулось Ивану Петровичу хорошее место — лесником на пятый кордон, туда и поступил. Женился, четырёх ребят вырастил, выучил, — все они теперь сами по себе, кто в городе, кто в деревне работает...

Когда опять в сорок первом грянула война, Иван Петрович в военкомат явился и без слов подал заявление военкому. А в заявлении только и написано: «Прошу принять в Советскую армию добровольцем».

Военком головой покачал:

— Годы твои староваты, Иван Петрович. Уж если до твоих ровесников дело дойдёт, так надо думать — нескоро. Иди-ка ты на свой кордон.

— На кордоне мне в такое время делать нечего, и жена за меня управится. А я в гражданскую неплохо воевал, и сейчас винтовка из рук не выпадет. Нет, уж как угодно, товарищ военный комиссар, а меня принимай.

Старик своего добился. В сорок пятом домой вернулся и — второй орден Красного Знамени на груди. Опять на свой кордон отправился, будто нигде и не бывал.

Но вот в прошлом году вызывают нашего «лесного хозяина» к старшему лесничему. Лесничий ему говорит:

— Тебе, Иван Петрович, большое дело есть. Сейчас отправишься с лесничим и представителем леспромхоза делянки отводить для зимних лесозаготовок. Нынче весь твой обход на вырубку назначен, лес там переставляет.

Ивана Петровича даже качнуло:

— Как же так, Николай Семёныч? Неужто кроме моего обхода и леса больше нет?

— Знаем, что на твоём обходе что ни берёза, то авиационная, что ни сосна, то шпальник. Так ведь народному хозяйству плохого леса и не требуется.

Помолчал Иван Петрович:

— Ладно! Понимаю! Сам на фронте видел, какое разорение нам враг учинил. Знаю, что нужен наш лес родной стране. И вы меня не осудите — привык я к своему кор-

дону, ну, и жалковато на первой минуте было. А теперь ничего. Меня-то куда переведёте?

— Об этом потом. А сейчас наше поручение выполняй.

По первому снегу опять Иван Петрович к лесничему явился:

— Так и так, делянки отведены, лесозаготовки начались. Куда теперь мне прикажете?

Как раз на эту пору в кабинете у лесничего секретарь райкома партии находился. Говорит:

— Товарищ лесничий, а ведь Иван Петрович именно и есть тот человек, которого мы с вами ищем. Так, говоришь, Иван Петрович, скучно у тебя на кордоне становится? А?

— Как сказать: шуму много, а для меня веселья мало. Народу — сотни, электропилы, тракторы. А я привык к тому, чтобы лес охранять, выращивать его. Ну, вырубят у меня обход, и начнёт расти на нём самый сорный лес — осинка, берёзка, ольха. Когда-то ещё сосна и ель поднимутся.

— Понимаю. А ежели ты всё-таки на кордоне останешься?

— Делать мне там нечего, товарищ секретарь!

— Вот и неправда. Дело тебе мы найдём. Как думаешь, мы, большевики, лес только рубим, а новый не выращиваем? А?

— Читайте я про это в газетах, про лесозащитные полосы в степях. Великое дело!

— Лес нам нужен не только в степях. Надо его и здесь на севере садить с таким расчётом, чтобы вместо вырубленных деревьев вырастить новые. Организуется у нас лесопосадочное хозяйство. Директор этому делу нужен. Помоему, для такой должности ты самый подходящий человек: и лес любишь, и беречь его умеешь...

— Одна беда — выращивать не умею, по-научному, как следует.

— Сам считаешь об этом деле и помощников тебе грамотных дадим.

— Грамотность у меня мала.

— Знаем. Зато опыт у тебя большой и большая, настоящая советская честность, любовь к делу. А грамотность — дело наживное, она седых волос не боится...

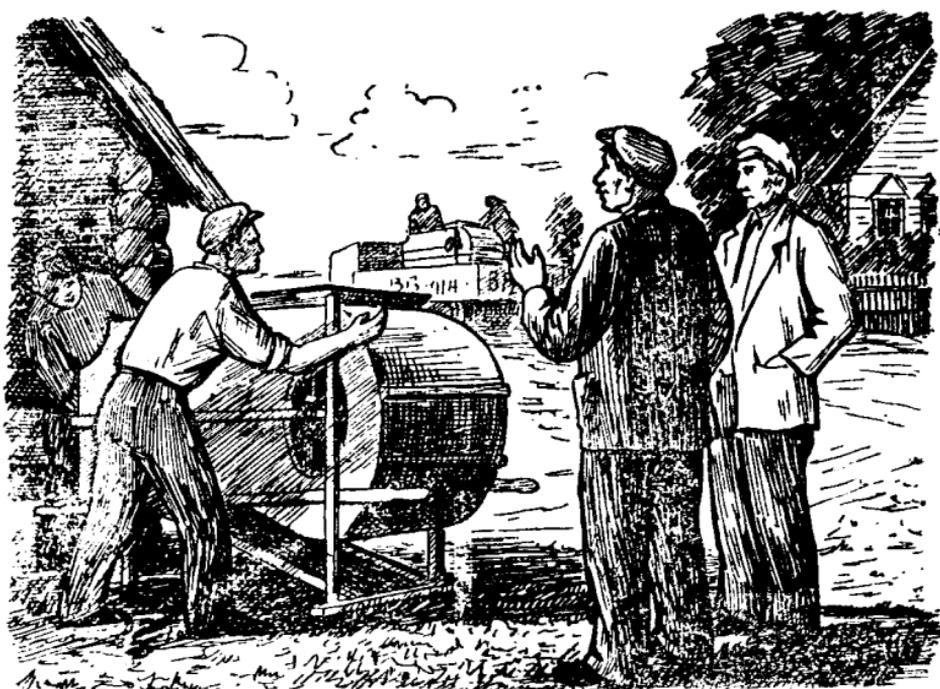
★ ★ ★

Был я на днях в лесопитомнике у Ивана Петровича. На многих гектарах зелёной щёткой поднялись крохотные сеянцы, не только сосны и ели, но и лиственницы и других ценных пород.

— С молодым лесом и я словно помолодел, — признался мне Иван Петрович. — И не жаль теперь того леса, что здесь ещё недавно рос, — знаю, на хорошее дело, на великие стройки он пошёл. А моё дело — новый лес поднимать. Правильно?

— Правильно! — ответил я.

НА ПОЛЬЗУ НАРОДУ

К ночи метель разгулялась вовсю.

— Шабаш! — сказал шофёр, заглушив мотор и закуривая. — Придётся в соседнем колхозе ночевать.

Мы нашли приют в первом же доме. В большой и посеверному очень чистой горнице было тихо, тепло.

— Заходите, заходите! — радушно приглашал нас хозяин дома, аккуратненький старичок в синем пиджачке и роговых очках. — Погрейтесь, ночуйте. Места хватит!

... Долог зимний вечер в деревне. Почти все уснули. Не спим только мы трое — шофёр, старичок и я.

Узнав в разговоре, что шофёр родом из города Б., старичок обрадовался, разговорился.

— Земляки, земляки будем! Ведь и я родом из Б., да вот видишь, где свой век провожу. Заехал сюда смолоду, место понравилось, а девушка одна здешняя — особенно. Женился на ней да корни здесь и пустил. Родные места всё-таки нет-нет да и вспомнятся. Ну-ка, товарищ дорогой,

рассказывай, каким теперь наш город стал. Большой, наверно, стройка идёт? А? Наперво скажи мне — каким завод бывший Колянковского стал? Я на нём пять лет работал.

— Что-то я такого завода не знаю, — сказал шофёр.

— Как не знаешь? Куда же он делся? Стоял он на правом берегу речки Вельгии, километрах в четырёх от города.

— Так это седьмой цех теперь.

— Вот-вот! Я ведь и позабыл, что ты уже при советской власти родился. Где тебе разных Колянковских помнить! А мне-то памятно, как я на этом заводе из обжигальных горнов на тачке огнеупорные изделия вывозил. Спать-то не хотите пока? Ну и ладно. Я сейчас ещё самоварчик налажу, да не этот паровоз, а маленький, семейный. Посидим, поговорим. Время-то ещё не позднее.

... Снег всё шуршит и шуршит по стенам дома. Глухо поют телеграфные провода за окном. Старичок рассказывает:

— Это, дорогие мои, давненько было. Лет сорок тому назад да ещё и с добавком. На этом самом заводе Колянковского был в третьем цеху старшим мастером Матвей Яковлевич Веселов — хороший человек, умница. Рабочему человеку цену понимал, перед хозяином шапку снимал не сразу, а подумавши. Да!

— Огнеупор — дело не простое. Это не строительный кирпич — шлёп-шлёп и готово. Нет! Тут особые глины нужны. И обжигают их, и толкут, и мелют, и с другими глинами смешивают по-разному. Дело это знаний требует, науки. Огнеупорный кирпич и для обкладки топок паровых машин идёт, и на постройку доменных печей, и для литейного дела. У нас в городе шесть таких заводов было. Огнеупорная-то глина прямо под городом залегает, ну и в других местах. Между хозяевами грызня шла — кто кого пересилит, чей кирпич лучше будет и дешевле. А это всё на рабочей спине отдавалось. Станет кирпич на копейку дешевле, а нам две копейки хозяин не даст. Только в

одном хозяева между собой и сходились — как рабочего прижать...

Вот Матвей Яковлевич в уголку цеха всё с разными глинами возился, возился, да новый состав огнеупора и открыл. Обжёг пробу и в лабораторию заводскую её направил.

Часу не прошло — спешат оттуда сам хозяин Колянковский и старший инженер. Прямо к мастеру:

«Молодец, молодец, Матюша! — хозяин нахваливает. — Удачен твой состав, очень удачен. Как ты его составил? А?».

«Сначала показатели дайте», — говорит мастер.

«Замечательные показатели, — отвечает инженер. — И по огнеупорности, и по кислотности, и по другим качествам. Таких изделий ещё ни один завод не выпускал. Их за границу увезти — с руками оторвут!».

«Вот видишь? — радуется хозяин. — Получай от меня награду — десять рублей. Ну, а теперь рецептуру сообрази».

Матвей Яковлевич дарёную десятирублёвку аккуратненько так вчетверо сложил и — хозяину её обратно, в жилетный карманчик:

«За вашей наградой не гонюсь! Мне со своей старухой и того, что зарабатываю, достаточно. А рецепта не скажу».

— Скоро другие заводчики пронюхали, что у Колянковского такой огнеупор выпускать стали, какому равного нет. Переполошились. Стали мастера к себе всяческими посулами перетягивать. Старик — ни в какую. И вот — нашли нашего мастера утром в канаве с пробитой головой. И секрет нового состава пропал...

Да. Кому раньше на пользу рабочая смекалка шла? Только хозяину. А народу ничего не доставалось. Нет, товарищи, нынче другое дело. Если кто из нас что изобретёт, придумает полезное — оно всем в руки даётся: пользуйся и сам придумывай. Да вот пример. В прошлом году побывал наш колхозник один в областном городе на выставке. Там он веялку увидал — простая веялка, а немнож-

ко не так оборудована: втрое больше зерна пропускает и во много раз чище. А переоборудовать её — полдня работы. Значит, кто-то хорошо выдумал. Так. Приезжает наш колхозник домой — и все свои веялки по-новому переделал. Попробовали в работе — хорошо! Так ведь не успокоился он на этом. «Нам, — говорит, — хорошо, надо, чтобы и другим так же было». Договорился с правлением своего колхоза и теперь в соседних колхозах веялки переделывает. Вот оно как нынче, товарищи дорогие.

— Был я в прошлом году на родине, в Б., — сказал шофёр. — Заходил в городской музей. Действительно, как рассказываете про мастера Матюшу, так оно и было. На выставке об этом сообщается. А ещё там, на витрине, написано, что веселовский секрет молодые инженеры-комсомольцы раскрыли.

— Замечательно! — старичок в восторге хлопнул ладонью по столу. — Пошёл и тот секрет на пользу народу!

Шофёр подошёл к окну, прислушался — не стихает ли метель. Потом он с удивлением остановился перед комодом. На нём в простенькой рамке стоял портрет нашего хозяина-старичка. Был старичок снят в пиджаке, при галстуге, а на груди его были орден Ленина и золотая звёздочка медали «Серп и Молот».

— Это вы? — уважительно спросил шофёр старичка, показывая на портрет.

— Мой портрет, — ответил старичок, убирая со стола.

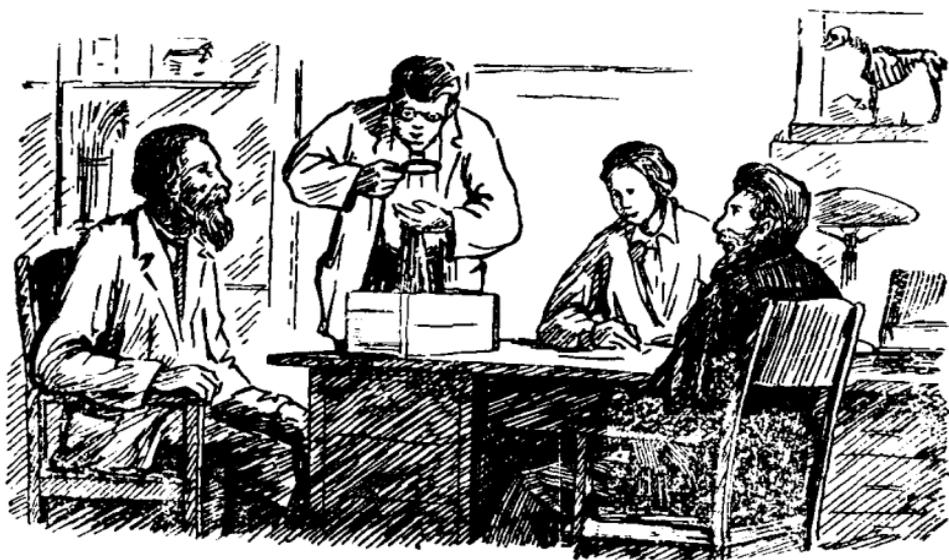
— Значит — Герой Социалистического Труда?

— Оно самое. Да и не я один в колхозе. Работать умеем по-новому.

— Большая награда!

— Горжусь, не спорю. Ну, так ведь не на купца-хозяина, не на заводчика труды кладём. На общую пользу трудовому народу.

КЛАД

В сумерках добрались мы до охотничьей избушки, построенной кем-то чуть ли не сто лет назад. Впрочем, крыша не протекала, а нам это было особенно дорого: осенний дождь разошёлся не на шутку.

Африкан, мой неизменный спутник по лесным скитаньям, занялся приведением избушки в порядок, а я отправился за дровами. Скоро в печке-каменке запылали сосновые смолистые поленья, и, хотя дым ел глаза, всё-таки приятно было чувствовать себя в тепле, под крышей, — очень уж угрюмо шумел за стенами избушки чёрный лес, и всё настойчивее, монотоннее становился затяжной дождь поздней осени.

— Ещё ночлежник идёт, — сказал Африкан, выглядывая за дверь избушки. — Кто же это? Да никак Илья Гаврилыч из Заозерья? Он самый.

Сухонький старичок в допотопном сером армячке, морщась и мигая от дыма, пролез в дверь нашего убежища.

— Мир на стану, полеснички! Ишь как я угодил на готовое тепло, — заговорил он. — Африкану Ильичу — при-

вет! Здравствуй и ты, товарищ, — не знаю, как вас звать-величать. Ах, хорошо, тепло у вас!

Старичок бережно поставил в угол новенькую двустволку-бескурковку и присел у огня. Африкан, хвативший в это время порядочную порцию дыму, кашлял, чихал, даже ногами со злости топал и не сразу ответил гостю:

— Уф! Ах! Тьфу ты! Здорово, здорово, Илья Гаврилыч! Милости просим к общему чайнику.

Началась неторопливая беседа. Из неё я узнал, что Илья Гаврилыч ходил в районный центр с каким-то поручением от колхоза, а обратно решил пройти лесными тропами, да вот — стемнело, припоздал он и совсем было собрался под елью ночевать, но во-время об избушке вспомнил...

— А верно говорят, что ты в прошлом году клад нашёл, Илья Гаврилыч? — спросил Африкан, разливая по кружкам чай.

— Правильно. Нашёл ещё по осени. Раскапывал барсучью нору за речкой Иводой, на Федосовых буграх, да и наткнулся на медный горшочек. А в нём копеечки серебряные, вот не больше ногтя на мизинце, ну как рыба чешуя. Весь вечер их дома считал — больше трёх тысяч оказалось. Написано что-то на них да больно уж мелко, не смог я и в очках прочитать. На обороте — воин на коне изображён с копьём.

— Куда же ты этот клад приспособил?

— Куда? Нашёл место и кладу. К слову сказать — ты Якова Тарабарина помнишь? Хромой такой старик был...

— Ну как не помнить! А что?

— Вот он тоже клад нашёл. Это было ещё задолго до революции. Обрадовался Яков, как же! Бедно жил, а тут сразу богатство. Принёс этот клад, тоже серебряные копеечки были, принёс его к купцу Качалову. Тот деньги взвесил и говорит: «Полагается тебе за этот клад по казённой цене восемнадцать рублей. Одна треть тебе будет выдана — шесть рублей. Ты мне два с полтиной должен — засчитываю, а на остальное товару в моей лавке можешь

взять. Деньги я сам в город, в банк свезу, чтобы тебе на поездку не изъясниться. А сверх того тебе от моей доброй души дарю бутылку водки — пей за моё здоровье».

— Ловко!

— Чего ловчей! Яков водки нахлестался да с пьяных глаз и покупки потерял. Вот тебе и поправился!

— Нашёл к кому пойти — к купцу.

— А к кому тогда пойдёшь? К попу или к барину? Обманули бы всё равно...

— Это правильно. Ну, а ты свой клад в банк снёс?

— Сначала туда хотел. На государственной земле найден, значит, надо государству и вернуть. А тут учитель Иван Никанорыч посмотрел мою находку и говорит: «Сдай ты этот клад лучше в музей, для науки это вещь нужная».

— Значит, в музей сдал?

— Туда. Поехал по зиме в город сбрую для колхоза закупать и клад с собой захватил.

— Сколько же тебе за клад заплатили?

— Полагалось мне сто десять рублей. «А зачем мне эти деньги? — говорю. — Клад сдаю для науки, да и на государственной земле он найден. А я в жизни своей всем обеспечен — и от колхоза, и сын-полковник хорошо помогает. Не надо мне денег, лучше дайте книг каких почитать о старине в наших местах».

— Правильно!

— Ты до конца слушай, Африкан Ильич. Вот в том музее увидал я в одной комнате разные земли, пески, глины, камни. Посмотрел я на них и вижу — нет там такого розового песочку, какой на Максимовском косогоре имеется. Знаешь ли этот песочек? Даже сразу и не поймёшь — не то песок, не то глина такая интересная. Прибыл я домой, весны дождался и на Максимовский косогор. С пуд этого песку в ящик нагрёб, свезу, мол, в музей, пусть там и наша земля красуется...

— Свёз? Приняли?

— Ты слушай. Приехал я в музей, показываю эту землю. Директор её осмотрел, в пальцах помял, потом сни-

мает телефонную трубку и звонит куда-то: «Прошу срочно приехать в музей, интересную землю посмотреть».

Ждём. Часу не прошло — подкатывает легковая машина. Выходит из неё инженер...

— Инженер?

— Да, инженер. С завода металлического. Здоровается с нами и сразу за мой песочек берётся, расспрашивает — где я нашёл да много ли его в косогоре. Отвечаю: «Этого песку у нас на километр длины да в ширину не многим меньше, а толщина — кто её знает, может на десять метров». Заулыбался инженер: «Вот это и прекрасно! Это не простой песок, а формовочная земля. Она очень нужна при литье чугуна. Из этой земли формы делают. Возим мы её издалека, большие деньги на это расходуем, а земля-то у нас, оказывается, почти рядом. Хорошую вы находку сделали, Илья Гаврилыч, и мы вас от завода за это премируем...».

— И премировали?

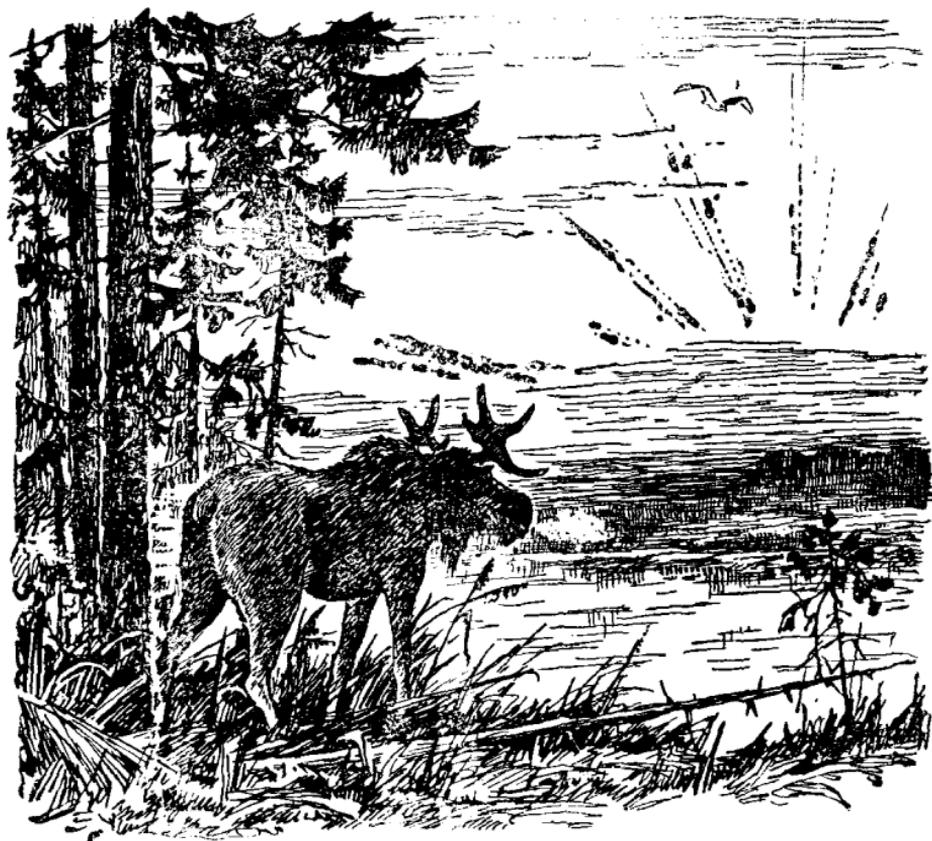
— А вот ружьё в уголке. Это и есть премия.

— Ну-ка покажи, покажи!

Африкан долго вертел ружьё в руках, рассматривал на нём каждый винтик, заглянул в стволы, подул в них, прицелился, ещё раз заглянул в стволы и, наконец, уважительно поставил премию на место.

— Добрая, добрая вещь! Удивительная нынешняя жизнь — не серебро в цене, а такая, скажи на милость, штука, как земля эта формовочная. Значит, она людям полезнее.

НА ДАЛЬНИЙ ЗОВ

На утренней заре старый лось выходил к озеру на водопой. Шёл, не хрустнув и малым сучком, не стряхнув росы с ветвей. Долго стоял на берегу, настораживая уши, шевеля ноздрями, прислушивался, приглядывался — нет ли чего недоброго.

Столбами плыл, качался над озером туман, розовый и голубой в разлив зари. Высоко над туманом, в чистом небе летела чайка, и крылья её сверкали, как золотые серпы в лучах солнца, ещё не видимого отсюда, снизу. На середину залива выплывала старая хитрая гагара. В еловой чаще, над ручьём-говоруном посвистывали рябчики, словно в серебряные дудочки. И лось спокойно входил в воду, погружался в неё по плечи, вздрагивал от наслаждения

всей кожей, и пил, пил, зорко косясь на ближний мыс, на его непролазные заросли.

Так было и в это утро. Но, когда лось, напившись, вышел на берег, прошумел по лесу ветерок, принёс зверю запах человека. И лось, вздрогнув, метнулся в чащу, треща валежником, стряхивая росу с ветвей.

Этот же ветерок донёс тревожный запах и до медведицы, учившей своего детёныша охоте на муравьёв. Она замерла на миг, потом злобно ощерила желтоватые зубы и чуть слышно заворчала. Но дымом и железом не пахло, не любят этих запахов звери, медведица успокоилась, но всё же неслышной поступью торопко заковыляла прочь, в кустарник. И так же неслышно побежал, покатился за матерью медвежонок, так же, как и она, время от времени останавливаясь, нюхая воздух.

Белка сбежала вниз с вершины ели. На этой ели было её гнездо и в нём маленькие. Но вдруг она сердито зацокала и рыжим пламенем взвилась обратно по чешуйчатому стволу, оттуда перепрыгнула на соседнюю сухую берёзу, пробежала до нижнего сука, прикинула к нему и, с любопытством глядя вниз, зацокала ещё яростнее, забранилась по-своему на тех, кто помешал ей спуститься на землю для поиска птичьих гнёзд. На беличий крик прилетела сорока, зашныряла по елям, застрекотала на весь лес.

Утренний ветерок, беличье цоканье, сорочий стрёкот разбудили лежавшего под сосной Васю. Он долго протирает глаза, потягивался, но вдруг, вспомнив что-то, вскочил, и лицо его стало озабоченным, невесёлым. Федя и Венька ещё спали, поджав босые озябшие ноги.

— Ребята, вставайте, пора! — затормошил их Вася. — Поспали и хватит. Вставайте, идти надо!

Они проснулись, сели, позёвывая, с удивлением осмотрелись. Венька слезливо сморщился, задрожали губы и у Феди.

— Эх, вы! Хныкалы! — укорил их Вася, хотя и самому было невесело. — Не вздумайте реветь! Ну что ж, вчера

заблудились — сегодня дорогу найдём! Слезами горю не поможешь. Потом самим стыдно будет.

— Есть и пить хочется. И комары накусали! — вздохнул Венька.

— Ишь ты! А потерпеть не хочется? Какой из тебя солдат будет? Пошли!

— Куда пойдём-то?

— Вон туда, — махнул Вася рукой на восток. — Солнце за нашим посёлком восходит, а лес к западу будет. Поняли? Ну, за мной!

Лес, лес и лес. То мрачные еловые чащи, где не растёт трава — заглушает её толстый слой опавшей бурой хвои, то весёлые полянки с травой по пояс, с берёзками и осинками, то косогоры в курчавом можжевельнике, то песчаные бугры и на них величавые сосны, то ржавые болота с чахлыми кривыми сосенками. Ещё только что встало солнце, ещё в обильной росе была трава, а уже лились, текли по лесу невидимые потоки зноя. Тяжело гудели шмели, на солнечном свете плясали дымными столбиками толкунчики. Словно море зашумело где-то мерной зыбью — запел, загулял в лесных вершинах летний ветер.

Вот и вчера таким же радостным, светлым, многошумным был этот лес, когда вошли в него три паренька, три друга, в поисках душистой лесной ягоды — малины. А ведь всем известно, что самые хорошие малинники растут на старых гарях, на вырубках. Вася — за старшего, он бывал с матерью на Гришкиной ниве, знал по рассказам Клима Егорыча — заводского сторожа, первого охотника и рыбака в посёлке, что с Гришкиной нивы малины возами не увезёшь. А крупная какая, сочная, сладкая! Пошли ребятки на эту ниву да и заблудились, заплутались. До ночи ходили лесными тропами, а лесные тропы обманчивы. Вот на-топтана, набита тропа, словно по ней тысячи людей прошли, и вдруг ныряет она в кусты, и нет её... Пришлось потом и без троп, наудачу брести...

Ночевали под сосной, жались для тепла друг к другу. Сны видели простые, домашние. А проснулись — не ра-

дует летнее утро. В одиночку каждый бы всплакнул да при товарищах стыдно нюни распускать...

Вася шёл впереди уверенным шагом человека, знающего дорогу, посвистывал, заговаривал с дружками, покрикивал:

— А ну, не отставать!

— А вот что, ребята, — сказал он, когда выбрались они на какую-то горку и остановились под высоченными елями. — Заберусь-ка я на ёлку, с неё далеко видно будет, может деревню какую замечу или нашу реку.

Венька и Федя с уважением и некоторым страхом наблюдали за ловкой фигурой Васи, мелькавшей среди мохнатых еловых лап. Это тебе не на своём огороде на черёмуху взобраться, ель-то вон какая, чуть облака не задевает.

Вот Вася совсем скрылся, вот задрожала верхушка ели, и донёсся Васин голос:

— Я на верху! Здесь качает!

— А что видишь? — разом вскричали Венька и Федя.

Вася не ответил. Равномерный, мощный гул ветра заглушил ребячьи голоса. Крепко обняв покачивавшуюся вершину ели, Вася жадно всматривался вдаль, но кругом простирался только зелёный океан леса, темневший там, где на него падали тени плывших по ветру облаков, желтоватый — где были моховые болота, яркозелёный — где стояли берёзовые рощи. Ни крыши человеческого жилья, ни проблеска реки...

Мерный рокот донёсся до Васи. Почтовый самолёт голубой стрекозой мелькал под облаками. Вот он ближе и ближе, вот уже видны большие белые цифры на его крыльях, яркие красные звёзды.

Вася порывисто вздохнул. Лётчик, наверно, видит заводский посёлок. Крикнуть бы ему: «Дяденька лётчик, возьми и нас с собой!».

Куда же летел самолёт? И Вася вдруг свистнул и начал торопливо спускаться.

— Слышали — самолёт летел? — крикнул он друзьям, прыгивая на землю.

— Слышали. А что?

— Ведь это почтовый. Он каждый день над нашим посёлком пролетает в райцентр и обратно. Поняли теперь?

— Да мы это знаем...

— Значит не поняли. Он на посёлок летит, значит, и нам в ту сторону идти надо. Пошли.

— А может он почту сдал и обратно летит?

— Ну да! Скажешь тоже! Он от нас после обеда улетает, а сейчас утро.

Нашли полянку с черникой, поели ягод. Нашли малинник да такой, какие только во сне снятся. И малины поели вдоволь. Но голода не утолили. У всех заболели головы, ноги стали непослушными, вялыми, даже заплетались. И вновь потянуло ко сну.

Обрадовались, выйдя на какую-то дорогу, но тут же поняли, что по этой дороге только зимой за дровами ездили, желтело на ней старое сено.

— Вы лучше глядите, — говорил Вася. — Не увидите ли где у дороги дрова или брёвна. Бывает, что навалит возчик большой воз, и лошади не свезти. Приходится лишнее бревно или несколько дровяных кряжей сбросить.

— Ну, и что же из этого?

— Да неужели не понимаете? Ведь длинные кряжи или брёвна на сани кладут комлем вперёд. Вот если такое бревно или дрова найдём, значит надо нам идти в ту сторону, куда комель дерева лежит, — там и деревня. Меня этому Клим Егорович учил.

Но скоро дорога кончилась у болота, такого непролазного, в чёрных ямах, налитых бурой заплесневелой водой, что ребята постояли, подумали и поплелись обратно.

Отдохнули, умылись и напились на берегу ручья-воркуна в зарослях ольхи и красной смородины. Спелых ягод было много, но поесть их не удалось: в кустах оказалось осиное гнездо. Не воевать же с осами из-за кислых ягод!

Давно вдали что-то глухо постукивало, погромыхивало. Но ребята на это и внимания не обращали. Ахнули только, когда в лесу внезапно потемнело и вихрь зашумел, засви-

стел в вершинах елей и сосен. Грозовая туча, вспыхивая молниями, нависла над притихшим лесом.

Отсиделись под огромной земляной лепёхой-выскородью, которую вывернула своими корнями старуха-ель. Видимо, ещё недавно свалил её ветер, ещё не пожелтела, не осыпалась хвоя с этой ели.

Но как только ребята двинулись дальше — промокли насквозь. С каждой ветки, чуть тронь её, сыпались сверкающие водяные капли. Тёплый тонкий туман повис под ветвями деревьев: невидимый в этом тумане, опять пророкотал в вышине самолёт.

Усталость всё более одолевала ребят. Каждому мечталось одно: горбушка ржаного хлеба, посыпанная солью. Казалось, дороже этого, лучше этого ничего на свете нет.

Противно липла к телу сырая одежда, начали зябнуть руки. А идти было надо. И ребята шли, шли молча...

Иногда Вася пробовал рассказать что-нибудь, по его мнению, смешное или занятное. Но ему никто не отвечал, и Вася умолкал.

И не понять было — день или ранний вечер. Не было солнца, мутная мгла заволокла лес, и так было тихо, что собственное дыхание казалось громким. И вот, в этой тишине Вася услышал что-то знакомое...

— Стой! — шопотом сказал он товарищам. — Тихо!

Он долго прислушивался. Наконец улыбнулся и закричал:

— Слышите? Наш заводский гудок! Ну, теперь-то мы дома. Вон куда нам идти надо. Пошли, пошли! Но только не шуметь — скоро второй гудок будет. Значит — вечер, конец первой смене!

Действительно, через несколько минут гудок снова запел. Теперь его услышали все трое и бодро пошли на зов медного крикуна. Забылась усталость, ноги словно сами пошли.

Гудок запел третий раз. Вася вслух удивился:

— Почему он в третий загудел? Уж не случилось ли чего на заводе? Не пожар ли?

Гудок пел очень долго. Вот перестал на несколько минут, и над лесом опять понеслось знакомое: «А-а-а-а!».

Резкий свист заставил ребят вздрогнуть и остановиться. Раздвигая кусты, навстречу им шёл Клим Егорович с ружьём за плечами.

— Здорово, молодцы! — с усмешкой снял он перед ними шапку. — Где побывали, что повидали? Ах, вы, бродяжки несчастные! Мокрѣхоньки, голоднѣхоньки! Каково вас ноги несут?

Обычно ребяташки побаивались сурового заводского сторожа, но сейчас они так обрадовались ему, что хоть бы и раскричался на них—не страшно, только бы из леса вывел.

— Ах, потеряшки, красные рубашки! — подтрунивал старик. — Вот, наверно, поплакали-то! Да?

— Мы не ревели, не маленькие, — ответил Вася.

— Ну, тогда молодцы! Вот вам хлеба, ешьте. Наде-лали вы хлопот. Сколько народу вас искать принялось!

— Мы гудок слышали. На него и шли. Дяденька, а что на заводе случилось, почему так часто гудки дают?

— А это директор приказал через каждые десять минут гудки давать, чтобы вы слышали, догадались, куда идти...

